

ХРОНИКИ СЕМИ КОРОЛЕВСТВ

ЛЕДЯНАЯ КОЛЫБЕЛЬ

Ярослав Заболотников

18+

Ярослав Гивиевич Заболотников
Хроники семи королевств:
Ледяная колыбель. Том 3
Серия «Хроники семи
королевств: Наследие», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68906415
SelfPub; 2023*

Аннотация

Грондэнарк – королевство, где тела промёрзлых мертвецов теплее душ живущих там людей, где вой ледяного ветра и звук трещащей на морозе коры намного приятнее обрывков человеческой речи в пурге. Это край, где метель – единственный союзник, скрывающий следы от врагов. Это дикие поселения волхвов, где дети с молоком матери впитывают, что миром правит лишь грубая сила. Думаешь иначе? Ты – труп. Не можешь за себя постоять? Ты – труп. Попасть сюда неподготовленным – подставить голову под стылый топор, который расколол уже не один десяток черепов. Однако судьба решила не давать героям даже малых шансов. Каково это – оказаться между войной кланов и возвращением свирепых тварей, что обитали в снежных землях сотни лет назад?..

Ярослав Заболотников

Хроники семи королевств:

Ледяная колыбель. Том 3

Пролог

Не зря Ардонэйзию называют цветущим королевством. С ранней весны и вплоть до холодной поры тугие бутоны сменяют друг друга, устилая солнечные долины пёстрыми коврами. Незабудки, пионы, ландыши, лилии, амариллисы, тюльпаны... Начни перечислять всё великолепие – не хватит и часа: справочник ардонэйзийского травника толст, как купеческий кошелёк.

Почти круглый год плодородный край, где даже снег зимой считается редкостью, буквально тонет в благоухании. Ложкой дёгтя в бочке мёда являются разве что губы мертвеца – единственное растение, источающее непередаваемый смрад. Лишённые целебных и ядовитых свойств, эти белые цветы, не имели успеха ни среди знахарей, ни среди алхимиков, а запах держал на расстоянии тех, кому могли приглянуться диковинные створки-лепестки.

Именно потому столь странно смотрелась девушка, заложившая за ухо полураскрытый бутон «губ мертвеца». Светлый цветок провокационно выделялся на фоне чёрных, как смоль, волос, свободно ниспадавших чуть ниже лопаток. Не

меньше удивляла и одежда незнакомки, если так можно было назвать тёмные кожаные ремни, едва прикрывавшие стройное тело в самых «стратегических» местах.

Очевидно, из-за такого зрелища Гаррет Филисон, жилистый, лысоватый наёмник, что уже давно не пользовался успехом у женщин, позорно запнулся о дремавший на обочине камень. Бредя домой после трёхдневной попойки, он никак не ожидал увидеть идущую навстречу полуголую девушку. Откуда ей взяться на сельской дороге? Покачивая бёдрами, незнакомка неспешно приближалась и весьма незатейливо строила глазки. Ему? Гаррет даже оглянулся: нет, тихий вечер тому свидетель, за ним никто не плёлся – они были здесь одни. Неужто боги научились исполнять желания? Ага. Держи карман шире. Скорее разбойники рискнули орудовать в полумиле от города – нащупав рукоять висевшего на поясе меча, воин остановился и настороженно посмотрел по сторонам.

– Ну, и где они? За кустами сидят? – бросил он вперёд. – Ближе не подходи, не то прирежу...

– М-м-м... Ты о ком? – игриво поинтересовалась девушка. Она замедлила шаг, а потом, поймав недобрый взгляд, соизволила остаться на расстоянии вытянутого копья.

– Скажешь, одна тут гуляешь? – Гаррет вновь покосился на заросли. – Я не вчера родился.

– Одна. Могу доказать... – незнакомка хитро сощурила лиловые глаза и вдруг повысила голос: – Он догадался! Стре-

ляйте, ну же!!!

Выватив клинок, наёмник закружился, как собака, хвост которой случайно переехала телега. Держа перед собой оружие, он сделал пару быстрых оборотов, но ни свиста стрелы, ни треска кустов, ни каких-либо посторонних шорохов ухо не уловило. Лишь ветер шелестел остролистными ветвями.

– Стало быть, не врёшь... – Гаррет опустил меч. – А я уж думал опять о бандюков мараться...

– Я не из тех, кто покушается на чужое золото. Если только на душу...

– Это как? – с огрызком удивления поинтересовался воин.

– Моё ремесло намного приятнее, – с медовой сладостью промурлыкала девушка. – В нём фантазия не знает границ, а страсть настолько горяча, что может испепелить...

– Недурно, недурно... – уперев клинок в землю, наёмник оценивающе разглядывал незнакомку. – Но, боюсь, такая красotka мне не по карману.

– Или просто не по зубам? – лукаво улыбнулась та и приблизилась на несколько шагов. – Сегодня я ищу зверя, жестокого и ненасытного. Местный кузнец меня уже разочаровал: силен телом, но характером мягок, словно пух. И вот всё, что от него осталось... – девушка продемонстрировала тонкий, блестящий гвоздик не меньше пяти дюймов в длину.

– Да ты колдунья... – рассмеялся Гаррет, глядя, как она начала вращать «останки кузнеца» изящными пальцами.

– Не без этого... Меня стоит бояться... Я слишком пад-

ка на вкус чужих душ. Настолько, что готова отдать на растерзание тело... С другой стороны, это добавляет блюду пикантности. Иначе совсем не то. Как тёплый эль. Ты ведь понимаешь?

– Ага... – ухмыльнулся наёмник. Единственное, что он понял: собеседница немного двинутая на голову. Впрочем, так будет проще скрасить вечер славным перепихоном. И не с потасканной шалавой, в дыхании которой несложно учуять прошлого клиента, а с молодой и горячей особой. Нужно лишь чуть подыграть...

– Тогда, может, ты тот, кто мне нужен? – вопрос прозвучал открытым приглашением.

– А то! У меня как раз завалялась одна лишняя душонка! – убирая меч в ножны, вдохновенно воскликнул воин. – Как звать-то тебя?

– Хризальтера... – томный взор девушки разжигал огонь предвкушения.

– Диковинное имя. Видать, потому я твой акцент никак не признаю. Совсем издалека занесло?

Та странно улыбнулась:

– Ты даже не представляешь насколько...

– И где я могу осчастливить заморскую гостью? Потрем кустами или прошвырнёмся до моей халупы? – видя, как иностранка поморщила нос, Гаррет спешно вывалил третий вариант: – Погодь, здесь же на повороте заброшенный сарай стоит!

– М-м-м... Запустение мне по душе, – после секунды раздумий лицо девушки вновь выразило заинтересованность. Она грациозно приблизилась к наёмнику и, подняв щетинистый подбородок остриём гвоздя, с придыханием шепнула: – Веди...

* * *

Стоявший на краю поля сарай походил на травяной бугор с розовыми цветами: полностью оброс выюнком. Вырвав воротину из лап растений, Гаррет протиснулся в тёмное помещение с каркасами замшелых ящиков и пустой бочкой, из боковины которой торчал ржавый серп. В полосатой коричневой стене с трудом угадывались сгнившие доски, а где-то даже пробивались молодые ростки. Вошедшая за воином Хризальтера сделала глубокий вдох, явно наслаждаясь запахом сырости:

– Мне нравится... Отличное место, чтобы выплеснуть похоть и насладиться мужской грубостью. Надеюсь, ты не дашь мне заскучать?

– Пожётче, значит, любишь? – наёмник отстегнул ножны и приставил оружие к стене. – Будет тебе пожётче.

– Я вся твоя...

Девушка коснулась бёдер и груди – кожаные ремни скатились на пол, обнажив все прелести женского тела. Пожирая их глазами, Гаррет немного замешкался, но потом взял себя в руки:

– Ну, держись...

Он схватил Хризальтеру за волосы и, намотав их на ладонь, грубо прижал её лицом к заплесневелой стене. Другой рукой приспустил штаны, а затем бесцеремонно подтащил к себе девичью задницу.

– Да ты уже вся течёшь... – с усмешкой сказал воин, примеряясь вставить член. Спустя миг он вогнал его до упора, после чего стал делать такие резкие движения, что больше походил на ожесточённого насильника, нежели на желавшего доставить девушке удовольствие. Поэтому прозвучавшая через полминуты фраза оказалась для него неожиданностью:

– Я сейчас усну...

– Издеваешься, что ли?! – опешивший Гаррет обдал хрупкие плечи хмельным дыханием. Рывком развернув Хризальтеру, он отвесил ей оплеуху, от которой белый цветок скатился в грязь. – Так лучше?

– Продолжай... – улыбнулась девушка.

Грозно прорывав, раззадоренный наёмник приподнял её за бёдра. Хризальтера незамедлительно обняла его ногами и обвила руками шею. Оставаясь на весу и растирая спиной плесень, она медленно прикрыла глаза: наслаждалась каждым мгновением. Даже когда воин ударил её наотмашь и случайно разбил губу, веки не обнажили лилового взора, а уста не утратили улыбки. Лишь язык неторопливо утянул в рот стёкшую на подбородок каплю, алую, как летний закат.

Дабы девка снова не заскучала, Гаррет грубо оттолкнул

её, а едва та оказалась на ногах, схватил за волосы и швырнул на пол. Упав на колени, Хризальтера наградила мужчину томным взглядом, потом же, уперев руки в гнилые доски, соблазнительно повиляла задницей. Дважды звать наёмника не пришлось.

— Однажды, — неожиданно заговорила девушка, — один за-тейник, имея меня таким же образом, вставил мне в зад нож, всю рукоять. Назвал меня своей пчёлкой. Мне понравилось. Настолько, что я увлеклась и случайно «зажала» беднягу. Когда опомнилась, его живот уже напоминал решето... — последнее слово слилось с притягательным стоном блаженства. — Действуй осторожно. Словно играешь с хищницей. Я не хочу, чтобы ты закончился раньше времени...

— Тогда придержи язык. От таких рассказов я кончусь ещё быстрее.

— Не вздумай... — со страстным выдохом предупредила Хризальтера. — У тебя ещё полно работы... Давай... Грубее и глубже... Ты волк или щеночек?

Несмотря на классный трах, пожалуй, лучший за последний год, слова девушки вдруг пробудили всполохи раздражения. Не отрываясь от дела, Гаррет дотянулся до серпа, ловко выдернул его из бочки. Зацепив им тонкую шею, он вынудил Хризальтеру прогнуть спину и вжаться ягодицами в пах. — Достаточно глубоко? — процедил замерший воин. В следующий миг он ощутил себя в бархатных тисках. — Ох, чёрт, я сейчас...

– Нет! – запротестовала девушка и, попятившись, пресекла попытку того отстраниться. – Я только начала получать... – почувствовав в себе струю, она замолчала.

– Поздно... – расслабленным голосом сообщил наёмник, а затем отбросил серп в сторону. – И сама виновата... Я не собирался тебя брюхатить...

– Я требую продолжения... – оглянулась на него Хризальтера.

– Ты, конечно, хороша, но на сегодня мой боец отвоевался, – приминая коленями трухлявую древесину, воин подался назад. – Ему и так было непросто сражаться после всей выпитой браги...

– Твой боец хочет покинуть поле боя, – вкрадчиво заговорила девушка. – Знаешь, как поступают с дезертирами? – она кольнула вставшего мужчину строгим взглядом. – Знаешь... Но я сделаю тебе одолжение: спасу твою честь.

Наползшие из ниоткуда тени сковали наёмника, словно ремни. Он рухнул навзничь безвольным бревном. Над удивлённым лицом Гаррета навис лик Хризальтеры, и чёрные пряди защекотали обветренные щёки воина. Из лукаво изогнутых губ девушки на миг показалось круглое остриё – кончик гвоздя, сделавший её похожей на змею. Затем он вновь пропал в недрах ухмылки.

– Догадываешься, что будет дальше? – распутница хитро прищурила глаза.

Гаррет замычал, с удивлением осознав, что какая-то

незримая сила не даёт ему открыть рот.

– Всё ради тебя, милый...

Хризальтера наградила головку члена страстным поцелуем, в завершении которого вытолкнутый языком гвоздь вошёл в плоть через естественное отверстие, а потом, при помощи большого пальца, пронзил мужское достоинство до основания, уподобившись железному стержню, – душераздирающий вопль наёмника вырвался из ноздрей громким мычанием. Девушка же с улыбкой смотрела на украшенный блестящей шляпкой член, что пульсировал и набухал, как почки деревьев по весне.

– Не правда ли, восхитительно? Теперь твоему бойцу не избежать сражения... – она ловко оседлала воина, отчего его красное, вспотевшее лицо исказила гримаса боли. – Ты готов к бурным скачкам? Полагаю, готов... – Хризальтера погладила мускулистую грудь глухо голосившей жертвы. – Что это, если не стоны вождения? Поехали!

Полумрак сарая наполнили немые завывания и сладостные вздохи. Заглянувшие в щели лучи заката скользили по обнажённому женскому телу. Оно поднималось и опускалось. Сначала плавно, подобно кузнечным мехам. Затем всё быстрее и агрессивнее – словно забивавший гвоздь молоток.

Не меньше десяти минут, пока наёмник корчился в муках, девушка млела от блаженства. Наконец она страстно застонала и, покачиваясь, встала. Ощувив спавший паралич, Гаррет резко перевернулся и на четвереньках рванул к выходу.

Однако уже через секунду застыл статуей с позорно спущенными штанами.

– Идеально... – довольно проговорила Хризальтера. – Знаешь, будет неправильно отпустить тебя, не объяснив, что такое по-настоящему грубо и глубоко... – она обошла тяжело дышавшего наёмника и взяла приставленное к стене оружие. – Какие гладкие ножны...

Гаррет с ужасом наблюдал, как девушка облизывает их конец, а затем с коварной улыбкой удаляется из зоны видимости.

– Я чувствую твоё напряжение... – Хризальтера ласково погладила волосатый зад. – Не нужно бояться, милый, – зажав рукоять меча между бёдрами, она опустилась на колени с ножнами наперевес. – Расслабься и получай удовольствие.

Толчок – дыхание воина спёрло от боли. Казалось, внутренности напрочь смял таран. Однако завопить не удалось: голосовые связки молчали, словно струны лютни, закончившей свой век у старого барахольщика.

Подавшись назад, девушка чуть обнажила клинок, а затем снова вогнала его в ножны, отчего те ещё глубже вошли в тело. Без усталости лязгая сталью, она вбила их почти на треть и вдруг замерла.

– Почему ты дрожишь? Это от наслаждения? – осторожно попятившись, Хризальтера вытянула меч из ножен, потом встала. – Повернись! – придерживая рукой зажатое между ног оружие, приказала она.

Околдованный наёмник без промедлений развернулся к ней лицом, пунцовым, будто дикая бегония. По щекам градом катился пот, а сопли склизким водопадом пересекали дрожащие губы.

– Можешь говорить...

– Не надо... – с трудом забормотал Гаррет. – Не убивай... Я всё понял...

– Пощади меня, госпожа... – назидательно промолвила девушка. Она сверху вниз глядела в испуганные глаза, поглаживая ладонью блестящий клинок.

– Пощади меня... госпожа... – смиренно повторил тот.

– Я буду верно служить тебе... – с ядовитостью плюща улыбнулась Хризальтера и приблизила меч к небритому подбородку.

– Я... – губ воина коснулось холодное остриё, – буду верно служить тебе... – горячее дыхание покрыло металл мимолётной шалью, белёсой, словно утренний туман.

– До конца своих дней.

– До... – Гаррет запнулся, увидев, как зрачки девушки вдруг стали горизонтальными, а гладкий лоб увенчали торчащие вперёд рога: дугообразные, с обращёнными к потолку кончиками. Изумлённый взгляд скользнул на углы сложенных крыльев, что кожаными пиками темнели над хрупкими плечами. – Д-до конца... с-своих дней... – пролепетал побледневший наёмник.

– Превосходно, – Хризальтера разжала бёдра, и меч бряк-

нулся меж копытами, которые теперь заменяли человеческие стопы. За ними же медленно извивался длинный, остроконечный хвост, похожий на гибрид копыя и змеи. – Разве можно убивать того, кто поклялся в вечной преданности?

Обойдя стоявшего на четвереньках воина, демонесса присела ему на поясницу, а потом, подложив руки под затылок, развалилась на мускулистой спине, как на кровати, – на сырой пол упали расправленные крылья.

– Нас ждут величайшие дела! – мечтательно воскликнула она. – Со мной ты достигнешь небывалых высот! Только подумай: все правители мира будут преклонять перед тобой колени, ты – лишь передо мной. Даже не сомневайся, наша встреча уготована судьбой... К чему терять время?! Начнём знаменательное восхождение прямо сейчас!

Хризальтера вскочила и одновременно лягнула торчавшие из заднего прохода ножны. Совсем легонько. Ровно настолько, чтобы они, подобно колу, достигли сердца жертвы – воин закричал и рухнул в грязь.

– Ой... – наигранно удивившись, демонесса прикрыла рот когтистыми пальцами. – Я такая неосторожная... По-видимому, снова придётся всё делать одной... – она хихикнула и оглянулась на подрагивающее тело. – Как по мне, лучший способ найти путь к сердцу мужчины...

Грациозно повернувшись, девушка сделала плавный жест рукой: словно поймала невидимую снежинку. Над мёртвым наёмником проступили космы бледного тумана и тотчас же,

будто гонимые ветром, потянулись к ней. На миловидном личике отразился неподдельный экстаз: чем больше различных эмоций испытывала жертва перед смертью, тем ценнее поглощаемая душа. Пятнадцать убитых – сегодня Хризальтера собрала щедрый урожай.

Глава 1

Север никогда не отличался приветливостью. Ни к собственному народу, чудом выжившему в промёрзлых землях, ни уж тем более к чужакам. Тех, кого не изловит вечно голодное зверьё, не добьёт многовековая война кланов, поглотит трескучий мороз. Он, подобно незримой шали, нависшей над королевством, окутал собой всё. Ледяные долины. Снежные леса. Человеческие души.

Вот и сегодня, носясь по долине белым волком, жестокий буран стремился попасть в одинокую пещеру в похожей на клык скале. Биение сердец укрывшихся там путников приводило его в ярость, заставляя набрасываться на стену огня, преграждающую путь в каменные недра. Но магическая завеса была непоколебима – укусы стужи, оборачивались холодными брызгами, что с шипением исчезали в оранжевом пламени.

Странникам, одетым по меркам осенней погоды, не суждено превратиться в ледяные статуи. По крайней мере, не сейчас.

Огненный заслон поддерживала девушка с тёмно-каш-

тановыми волосами и зелёными, словно изумруд, глазами. Протянув замёрзшие руки к приятному жару, она слушала, как воительница рассказывает о местном укладе.

– Быт тут суровый, – сидя на пустой котомке, Эрминия выжимала растрёпанную золотистую косу, насквозь мокрую от растаявшего снега. – Пьяные пляски у огня и драки уже давно не считаются развлечухой. Север живёт охотой. На животных, на вражеские кланы. И быстрая смерть перепадает здесь только первым. С остальными любят позабавиться. Затрахать до смерти изловленную девку – обычное дело. Или же обезоружить недобитого противника, раздеть догола и хорошенько обоссать, дабы тот полз по морозу в попытке избежать позорной смерти. Скажете, жестоко? Это ещё самое безобидное... Клан Гальдгорена, толпа одичавших каннибалов, варит людей заживо, а попадись безумной секте Валоса – заставят жрать стёкла.

– В общем, – рассудил Рэксволд, – одни пришибут из-за вещей, другие – ради мяса, а кому-то кровь подавай... чтобы они, суки, ей досуг себе скрасили. А местечко-то нескучное! Да, Джон? – ассасин посмотрел на широкоплечего воина, что гладил серого жеребца.

– Да уж... – откликнулся следопыт. – Ладно, застряли чёрт-те где. Но припасы на исходе и коню жрать нечего.

– Главное, все живы... – донеслось со стороны Лайлы.

– Кстати, об этом. Как там наш пленник? Может, его то-гось? – Рэксволд коротко присвистнул и почесал кинжалом

переносицу. – Он всё равно как бы мёртвый. Просто обратно спровадим...

– Я вообще-то тоже помер, если так... – бросив на него осуждающий взгляд, Джон направился к вампирше.

– Ну ты хоть в свой мир вернулся. А этот... – ассасин покосился на лежавшего без сознания незнакомца: заострённые уши, белоснежные волосы и тёмно-синяя кожа, какая может привидеться разве что у смуглого бедуина под плотным покровом сумерек, да и то лишь после пары бурдюков кактусового вина. – Очнёшься ты, дружок, – зловеще прошептал Рэксволд. – Уж я с тобой пообщаюсь...

– Он здесь ни при чём, – Эрминия заново переплетала косу. – Меня никто не просил брать в руки ту штуку...

– А его никто не просил вываливаться из портала. Пусть объяснится и вернёт нас назад.

– Без той странной сосульки? – воительница мрачно усмехнулась. – Это вряд ли... Выбираться отсюда придётся на своих двоих.

– Упряжку раздобудем, значит.

– Положишь глаз на ездового оленя – тебе вырежут оба ещё на подходе. А собачники чужака лучше псам скормят, чем куда-либо повезут... – Эрминия отбросила за спину тугую косу. – До моря сотни миль. И они покажутся тебе вечностью.

– Согрелась хоть чуть-чуть? – услышала сзади Лайла и ощутила обнявшие её руки.

– Немного... – она прислонилась спиной к стальному нагруднику. – Не верится, что он снова целый... Как и ты...

– Твоими стараниями, – благодарно заметил Джон.

– Моими... и ценой во весь мир... – вампирша скорбно смотрела в огонь. – Если Леонардо удастся вернуть существ... – не решившись продолжить, она замолчала.

– То всё несильно изменится, – успокаивающим тоном сказал следопыт. – Человечество всегда страдало. Пожары, наводнения, ураганы... Ежели не стихия, то зараза какая по королевству ползёт. А коли не зараза, так война на горизонте. Вторжение магического зверья? Переживём. Возможно, даже понравится. Найдём Бамбуку красивую единорожку и выведем новую породу лошадей. Эльтаронская короткорогая! Звучит же, а? – чуя серьёзный настрой девушки, он стал водить по нежной шее жёсткой чёрной бородой. – Быстро улыбнулась. Быстро. Не то заколю.

– Ладно! – поддалась на шутливую провокацию Лайла и повернула голову к избраннику.

– Другое дело, – глядя на её засиявший профиль, Джон ответил усатой улыбкой. – Что бы там нас ни ждало, мы справимся. Кому сможем – поможем. Но сперва вернёмся в Эльтарон...

– Короче, план таков! – громко заговорила Эрминия, обратив на себя внимание всех, кроме лежавшего без сознания пленника. – Под пламенем, так же как плелись сюда, доковыляем до поселения Ух-Нод. Раньше оно держалось особ-

няком от клановой грызни. Если где и можно тёплое шмотьё со жратвой выторговать, то только там. Остальное всё очень далеко. В деревушку одна войду. Вы в лесу неподалёку пождёте. Уяснили?

Лайла опустила взор на свою одежду: обезображенное земляными пятнами зелёное платье напоминало незрелое яблоко, гнившее под деревом вторую неделю. Вампириша была рада сменить его, но вовсе не из-за отвратного вида. Сегодня брезгливость спала сном младенца – пусть хоть трижды меченный ослом тулуп, лишь бы лютый мороз больше не выворачивал кости из немеющего тела. Рэксволд же, напротив, не горел желанием расставаться с любимой чёрной бронёй, ставшей почти второй кожей. Однако ещё больше ему не нравилась идея одиночного похода возлюбленной в, не исключено, уже давно клановое поселение.

– Я с тобой прошвырнусь, – ассасин спрятал кинжал в ножны. – Рта открывать не буду – за местного сойду.

– Нет, – отрезала Эрминия. – Пусть ты и темноволосый, без знания языка и обычаев только мешаться будешь... Не говоря уже о броне, – швырнула она ещё один аргумент, дабы пресечь любые возражения. – Тут редко кожу красят. Сразу выделишься. Мои обноски хоть коричневые.

– Я, конечно, понимаю, ты жила здесь... – заговорил Джон, топчась взором по макушке северянки. – Но разве твой цвет волос...

– Тряпьем прикрою, – оборвала его воительница и, под-

нявшись, бросила взгляд на связанного пленника: невзирая на закрытые глаза, грудь того предательски часто вздымалась. – Очнулся. Хоть и делает вид, что спит. По дыханию видно ... – приподняв ладонь, Эрминия выждала паузу, а затем хмыкнула. – Глаза не открывает. Медленнее дышать не стал. Скорее всего, ни в зуб ногой в эльтаронском.

– Сейчас и выясним... – Рэксволд проследовал к темнокожему и опустился на корточки. – Просыпайся давай. На своих двоих пойдёшь. Серая свинья и без тебя в снегу тонет... Слышишь? Эй, я с кем говорю? Ну всё, хорош здесьдохлого корчить, – он небрежно хлопнул того по щеке, и приподнятые веки обнажили бирюзу недоброго взора. – Ты лицо-то попроще сделай. Не то по горлу разок чикну и идти никуда не придётся. Хотя в одних штанах да сапогах, ты отбросишь копыта и сам, коли тебя здесь оставить...

– Рэкси, – раздался возмущенный голос Лайлы. – Я сейчас погашу проекцию и буду беседовать с ним сама.

– Я разберусь... – погладив вампиршу по плечу, Джон направился к пленнику.

– Так себе угроза, – оглянулся ассасин. – Уголёк первым же окочурится, – он снова посмотрел на озлобленное лицо темнокожего. – На кой он вообще нам сдался, если ни черта не понимает?

– Уйди, – Эрминия подвинула Рэксволда плечом. – Остынешь – возвращайся.

– Ну дерзайте, дерзайте... – покосился на возникшие ря-

дом ноги ассасин. — Ушастик по ходу и немой вдобавок... — махнув рукой, он встал и отошёл в сторону.

Джон опустилсЯ на колено возле Эрминии:

— Первый раз вижу такие глаза...

— Ты про цвет или стоящую в них ненависть? — северянка водила пальцем по голенищу сапога, на котором ещё остался налёт виверхэльской грязи.

— Про всё сразу... — следопыт имел в виду цвет, но уже через секунду был согласен с наблюдениями подруги: не свяжи они пленника и не заведи наруч со скрытым клинком — всем бы точно пришлось худо.

— Ты ведь слышишь меня? — Эрминия подняла ладонь и начертила на ней увиденный ранее артефакт, настолько хорошо, как умела. — Твоя штука? — она кивнула на выведенный грязным пальцем рисунок. — Что это?

Темнокожий молчал, словно воды в рот набрал, — лишь грозный взгляд гулял между сидевшими перед ним незнакомцами.

— Да у него мозгов, как у Бамбука... — проворчал подпиравший стену Рэксволд.

— С мозгами у него всё в порядке, — воительница пристально смотрела в бирюзовые глаза. — Он изучает нас. При том ничего не давая взамен.

— Да что ты? — с сарказмом буркнул ассасин. — Сам-то я не догадался... — он раздражённо плюнул себе под ноги. — Оттого и хочется его прирезать.

– На его месте любой бы зубы скалил, – дымчатый взор следопыта столкнулся с карим взглядом убийцы. – Будем по-человечески относиться, может, и заговорит.

– Он мне не нравится, – подвёл черту Рэксволд, а затем, посмотрев на пленника, направил на того указательный палец: – Рано или поздно ты выкинешь глупость. Я буду ждать.

* * *

Покинув прогретую пещеру, странники побрели по заснеженной долине. Пять миль по сугробам, и, возможно, удача одарит их ветхой улыбкой – неплохим начинанием для безмерно сурового края. Вместе с вереницей следов на снегу оставалась широкая проплавленная полоса: огненный овал, что окружал путников негаснущей стеной, высотой почти по плечо, обращал порывы ледяного ветра в тёплые дуновения.

Поддерживая магическую проекцию, вампирша с тревогой изучала окрестности. Буран наконец затих, и теперь вдалеке без труда различались белые холмы с растущими повсюду кедрами, а позади – одинокая, похожая на клык скала, над которой бородой дремучего старца тянулось серое небо. Грондэнарк. Самое жуткое из семи королевств. Пребывание здесь могло привидеться Лайле только в кошмаре, но судьба распорядилась иначе. Не меньше удручало и то, что от смерти на морозе их спасала лишь магия. Пропави она снова, как это случилось несколько дней назад, биение в груди сменит холодная тишина, а в немигающих глазах навсегда поселит-

ся иней.

Однако скверные мысли вампирши и близко не стояли со взбаламученным сознанием Эрминии. Знакомые места буквально кричали ей о давно забытых воспоминаниях, которые девушка упорно выжигала другой жизнью. И вот они вернулись. Все до единого. От раскидистых кедров веяло охотой. Снег таил в себе рубины вражеской крови. На косогорах же чудились мрачные силуэты волхвов. Именно они посчитали златовласого ребёнка оскорблением традиций – мать обвинили в блуде с чужаком, обрили наголо тупым ножом, а затем, раздробив колени, публично усадили на рукоять стоящего молота, дабы местные девки навсегда запомнили, какво это, порочить верность и уж тем более пускать в себя кого попало. После полуживое тело отволокли в клетку с волками – говорят, крики были недолгими: голодные звери быстро растерзали жертву. Не миновала кара и отца. Ему досталось позорное клеймо рогоносца с назначенной ношей, светлоголовой малюткой, в которой тот видел причину загубленной жизни вплоть до последнего вдоха...

Ведя под уздцы мощного жеребца, Джон тоже поглядывал по сторонам. Он однажды уже гостил в Грондэнарке. Правда, так далеко не забирался: уж больно хмурый показался люд, даже на побережье, где развита торговля и прослеживается отпечаток привычной путешественникам культуры. По каким диким законам живёт остальное королевство, следопыт узнал позже. Сунься он тогда вглубь – нескрываемое презре-

ние северян обернулось бы цветочками.

Рэксволд шёл последним, прожигая взором белый затылок. В душе он желал, чтобы темнокожий дал дёру или хотя бы попытался ослабить путы. Но тот, словно спиной чувствуя палача, вёл себя на удивление смирно. Лишь иногда немного поворачивал голову к тусклому солнцу, скользя спутанными прядями по мускулистому плечу. Только спустя несколько минут, лицезрея одинаково неуверенный шаг, ассасин догадался, что пленник бредёт с закрытыми глазами. Видимо, не зря он стал жмуриться, как ужаленный в оба века, едва вышел из пещеры. Рэксволд не верил в неожиданные проблемы со зрением – это явно почва для какого-то трюка. Уж скорее бы...

Над долиной пролетела стайка свиристелей, глядя, как внизу рассекает снег большая огненная «лодка».

– Подожди, – окликнула вампиршу Эрминия. – Дальше я первой пойду.

– Но мне удобнее ровнять край проекции по себе. Может, просто укажешь новое направление?

– Впереди волчья тропа. Без ног останешься, – потеснив Лайлу, северянка возглавила цепочку путников.

– Хорошо... – вампирша оглянулась на остальных и последовала за ней, на ходу корректируя границы заклинания.

– И огонь понизу убери, – бросила назад воительница. – Слишком необычная отметина за нами тянется – при случае даже ленивый увяжется.

– Поняла. Сейчас...

Обогнув небольшой холм, странники приблизились к высокому лесу. Укрытые снегом сосны, чрезмерно раскидистые в этой полосе, казались пушистыми, словно заячьи хвосты. На деле же деревья Грондэнарка отличались грубой хвоей и толстенной корой. Из последней всегда выходили надёжные вёдра, а в руках некоторых умельцев и облегчённые щиты.

Перед самой опушкой Эрминия вдруг замедлилась, обнажила меч и рубанула им снежный ковёр – вынырнувшие из него стальные челюсти не успели поймать клинок, однако их лязга с лихвой хватило, чтобы идущая позади Лайла вздрогнула и остановилась.

– Слева ещё два... – хладнокровно переступив капкан, воительница двинулась дальше.

Недоверчиво бродя взором по белому покрову, вампирша заметила лишь ветку с тремя шишками. Но если это и служило тайным обозначением, расположение замаскированных ловушек по-прежнему оставалось загадкой. Оттого даже точный шаг по следам Эрминии не способствовал избавлению от лёгкого приступа паранойи.

Впрочем, опасения не миновали и следопыта. Увидев клацнувший капкан, он сместил коня за спину. Бамбуку сразу же не понравилось тыкаться носом в латную броню – жеребец пристроил подбородок на плечо Джона, с комфортом наблюдая за входившими в лес девушками.

– Ты, знаешь ли, тяжёленький... – воин ощутил, как сапоги ещё глубже проваливаются в снег. – Ладно... – усмехнулся он и вздохнул. – Не всё ж мне на тебе ездить...

Кедровая опушка встретила странников недружелюбно. К морозному скрипу под ногами добавилось тихое потрескивание деревьев. Из-за него могучие стволы казались хрупкими, готовыми в одночасье рухнуть от стужи. Север наделял ломкостью всё: хмурые леса, обледеневших покойников и даже верные клинки. Мечи чужестранцев разлетались здесь словно стекло, а если нет, постепенно становились жертвами коррозии: не успеешь войти в жаркий холл – испарина на железе тут как тут. Лишь грондэнаркская сталь не поддавалась ни лютому холоду, ни въедливой ржавчине, за что получила широкую популярность на родине и непомерный ценник на других континентах.

Невзирая на трепетное отношение к своим кинжалам, Рэксволда сейчас мало волновала судьба оружия: магический огонь был бессилен перед утопавшими в снегу ногами – коченеющие в сапогах пальцы неприятно покалывало. Так недолго обзавестись культями и десятком потемневших обрубков, из которых разве что памятное ожерелье сваять: «неудачник года».

Мысли ассасина прервало пролетевшее перед лицом насекомое. Крупное. Похожее на шершня. Только полосы чёрно-голубые. Немного замедлив шаг, Рэксволд провожал его недоумённым взглядом. Шершень... В ледяном королев-

стве... Пронёсся сквозь языки пламени... Какой смысл переживать за ноги, когда башку, похоже, уже отморозило? При этом неслабо. Пытаясь нащупать остатки здравомыслия, воин отвернулся и тут же узрел настороженный профиль Лайлы в огибавшем еловую поросль караване. Нет, он не тронулся умом: чуткий слух вампирши уловил жужжание – она тоже смотрела вслед улетевшему в лес насекомому, затем остановилась.

– Подождите... – блуждая взором между деревьями, Лайла убавила мощь огненной проекции.

Встав как вкопанные, Эрминия с Джоном тихо обнажили мечи, а пленник, неожиданно врезавшись в Бамбука, чуть приоткрыл глаза и сделал несколько осторожных шагов назад.

– Готов поклясться, это был шершень... – негромко бросил вперёд Рэксволд.

– Чего? – удивился следопыт. – Какой ещё шершень? – он сосредоточенно озирался. – Где вы что увидели?

– У него получилось... – Лайла смотрела на один из росших неподалёку кедров.

Странники отследили её взгляд: на толстой ветви, в метрах пяти над землёй, висел покрытый инеем ком.

– Это очень похоже на улей... – голос Джона полнился тягучей подозрительностью. – Или осник... Только никакие насекомые не выживут в таком морозище...

– Ага, спасибо, что пояснил, – тоном, далёким от благо-

дарности, заметил Рэксволд. – Мы ж все тут тупые. Уже за мёдом собирались слазить.

– Это гнездо когорхонов... – наконец промолвила вампирша и окинула остальных потерянным взглядом. – По-видимому, Леонардо вернул существ, как и обещал.

– Н-да... Я магических тварюшек как-то покрупнее представлял. После дракона уже не впечатляют. Ну ладно... И за каким чёртом они тут порхают перед носом? Сосульки выращивают? Здесь же ни шиша нет. Кроме снега и льда.

– Если бы ты знал, что когорхонов иногда называют «северными пчёлами», то не удивлялся бы. Они очень похожи на шершней, только твёрдые, как камень, и предпочитают мороз. А вот твоё предположение ушло недалеко от истины. Эти создания выращивают кристаллы: формируют их из собранной смолы. Спросишь зачем? Когорхоны излучают магию Земли – кристаллы содержат аналогичные чары. Но если существам они нужны для размножения, то терроманты ценили их за энергетическую составляющую.

– Мы, судя по всему, им неинтересны... – Джон глядел на выходящие у гнезда тёмные точки.

– Когорхоны миролюбивы, – подтвердила его слова Лайла. – Пока никто не пытается влезть в их жилище.

– Всё как у людей, – вставляя меч в ножны, усмехнулся следопыт.

– Не набрасываются, и ладно, – пробухтел Рэксволд. – Почапали уже, пока пятки к подошвам не примёрзли.

– Да. Ты прав. Ноги начинают колеть, – Лайла вернула огненную проекцию в первоначальное состояние.

– Зато мне теперь ясно одно выражение, – украсив спину скрещенными клинками, Эрминия зашагала вперёд. – Kogor-horo hem-hart. Когорхоново жужжание, если по-эльтаронски. Сколько себя помню, здесь так пустой трёп всегда называли.

Идущая за ней вампирша ничего не ответила. Лишь подумала, что со временем всё обретает смысл. За крылатыми фразами стоят крылатые создания, и прямо сейчас ветер перемен раздувает пески столетий, всё больше обнажая плиты истоков. Только какие монументы на них возведут: знакомые обелиски или новые надгробия? Это ещё предстояло узнать. А пока – Лайла заметила замерцавшую проекцию, как обычно бывало, когда в ментальные образы вклинивались посторонние мысли – нужно сосредоточиться на заклинании. Ведь между смертоносным морозом и биением шести сердец по-прежнему пролежала лишь магия.

* * *

В главном зале Ух-Нод было жарко, будто в кузнице, но не столько от горевшего по центру костра, сколько от гремевшего на всё поселение пира – от стука барабанов с соседних крыш сходил снег. Две дюжины воинов отмечали удачное нападение на вражеский караван. Помимо припасов, им удалось взять живой одну из воительниц клана «Сов». И не

абы кого, а саму Кайлор Несразимую! Заключённая в колодки девушка выглядела замученной. На её обнажённом теле цветками мака горели ожоги, а там, где их не было, темнели похожие на спелые сливы синяки.

– Пойду ещё разок трахну её, – варвар с заплетённой в две косички чёрной бородой выбрался из-за стола. Захватив с блюда жареную свиную ногу, он направился к поставленной на колени узнице.

– Давай, покажи ей, Занрог! – крикнул один из плясавших у огня мужчин и, чуть замедлившись, пригубил рог с мясным пивом. – А потом и я... Ик... Сподоблюсь...

– Куда тебе? Еле на ногах стоишь, – толкнув его плечом, рядом прошёл другой воин, со щербатыми, как старый котёл, щеками. Он тоже проследовал к девушке, где его встретил строгий взгляд Занрога, положившего ладони на висевшие у бёдер топоры. – Ты не горячись. Я пока не претендую. Так... поболтать пришёл с сучкой.

– Тогда живи, – бородатый занял руки расстёгиванием ремня.

Облокотившись на деревянные колодки, Хаствир свесился к пленнице и гадко ухмыльнулся:

– Скучала по мне?

Ответом стал незамедлительный плевок в лицо.

– Поглядите на неё. Живее всех живых, – вытирая щёку рукавом, усмехнулся воин. – Пусть для своих воинствующих бабёнок ты Кайлор Несразимая, но для нас – Кайлор

Недохнушая. Третий день держишься. Недурно. Обычно все за первый погибают.

– Так она же правая рука Ингрид Стужерождённой, – припустив штаны, Занрог пристроился за воительницей. – Потому и сухая постоянно, как топор труса, – он небрежно провёл мясом по манящей промежности – на пол упало несколько капель жира.

– Они там все такие, – Хаствир взял узницу за подбородок и, грубо задрал голову, заглянул в переполненные гневом глаза. – Ненавидящие мужиков дикарки, – он с нажимом провёл большим пальцем по разбитым губам – из засохших ранок вновь проступила кровь. – Ох, я бы оценил твою глотку... Но после того как ты Дэгорду полчлена отхватила... Пусть тебе потом и выбили часть зубов, не хочу ссать огрызком... Нет, Зан, ты просто не видишь это дерзкое хайло. Будто её и не трахают.

– Да ну? – размеренно двигая тазом, бородатый обрушил кулаки на девичью поясницу, отчего та аж хрустнула. – А так?

– Уже лучше... – гримаса боли отразилась на лице Хаствира довольной усмешкой. Вместе с ней мозолистые пальцы перестали удерживать подбородок, и голова Кайлор безвольно повисла. – Погоди... Закончит он с тобой... Я принесу факелы, и мы продолжим...

* * *

Сколько бы Лайла ни гнала от себя хмурые мысли, они репьями цеплялись за сознание, где начинали разрастаться, словно ядовитый плющ. Внутреннее противоборство вампириши выдавали поникшие плечи, совсем не похожие на привычную глазу, статную осанку. И это не осталось незамеченным.

— С такой тяжестью на душе можно провалиться в снег по самые уши... — раздался позади негромкий голос Джона. — Что тебя тревожит? Возвращение существ?

— Да... — чуть повернула голову Лайла.

— Мне показалось, всё не так плохо. Вон, летают себе, никого не трогают.

— Ты не видишь корня проблемы. Существа не просто вернулись в мир — они воскресли в родных местах обитания, где их когда-то застигла смерть. Однако это в моё время все территории были негласно поделены на ареалы. Сейчас хрупкий баланс разрушен. Четыре века безвозвратно стёрли границы видов. Там, где когда-то жили магические создания, теперь может стоять деревня или даже город. Неважно, чьей гибелью закончится конфликт. Пролитая кровь будет на моей совести. Я лично заключила соглашение с Леонардо и помогла осуществить задуманное. Тогда меня вело лишь истерзанное утратой сердце... А сейчас... начинаю слышать голос разума. И он осуждает меня... Но знаешь, что самое странное? Имей я возможность вновь предстать перед выбором, снова бы избрала тебя... И вновь бы корила себя за сомнительный

союз и горестные последствия...

— Здесь нет твоей вины... — на Джона снизошло мрачное озарение. — Всё, что происходит... из-за меня... — он задержал взор на засохшем кедре. — Не помри я на плато, ничего бы не случилось...

— Ага, разбежались... — не сдержавшись, вклинилась в разговор Эрминия. — Что я, зверей никогда не загоняла? Нас к этому грёбаному плато с самого Эльтарона пинали. Боги. Духи. Называйте, как хотите. Все эти видения, послания, воскрешения. Кому-то очень надо было, чтобы мы вляпались, хлебнули дерьма и вспороли светом небо. Как бы не сам колдун всё по нотам разыграл... Как, ты там в пещере говорила, его за глаза кличут? Тёмное божество? А древний дракон, с которым у него общее прошлое оказалось? Они якобы враги, но атаковать друг друга не могут, ага... По-моему, нас всех крупно поймали.

— Не факт, что желтоглазка, — присоединился к беседе Рэксволд. Владелец четырёх кинжалов шёл следом за пленником, правда чуть поодаль, на случай, если тот проявит невиданную прыть. — Прямо за вами та ещё «тёмная лошадка» шагает, — он полоснул взглядом связанные руки и вернул взор на затылок, легко выдававший малейший поворот головы. — Скорее Бескрайнее Море засохнет, чем я поверю в нечаянный побег из Эрмориума. Вдруг всё делалось ради его освобождения, а мы тут с ним нянькаемся?

— Даже если за всем этим кто-то стоит, я не стану сни-

мать с себя ответственность. Поддалась на манипуляции в угоду эгоизму – виновна так же, – категорично заявила вампирша. – Что касается пленного... – она обернулась, но не увидела того из-за Бамбука: за серым крупом чернело лишь плечо ассасина. – Не будем делать поспешных выводов.

– Как скажешь... – выполз из-за коня понурый голос Рэксволда. – Только, чую, нам ещё аукнется твоя доброта. Помни мои слова, Лайла.

Озираясь по сторонам, странники продолжили углубляться в лес. Под ногами ворчливо скрипел снег, всюду угрожающе трещали деревья, а из чащи изредка доносилось хлопанье крыльев: неуклюжие перелёты одинокого глухаря.

* * *

В Грондэнарке редко приживались иностранные слова. Похожие на лай или мелодичные, словно птичье пение, они презирались, как и всё, что несли с собой чужаки. Но слово «варвары», выкрикнутое ардонэйзийским полководцем во время одной из войн, пришлось северянам по душе. От пропитанного негодованием возгласа веяло свирепостью и бесстрашием, неприхотливостью в быту и съеденными сердцами врагов. Назови кого-нибудь варваром на восточном континенте – оскорбится, в ледяном королевстве – сочтёт за похвалу.

Олаф Железное Брюхо слыл не просто варваром, а настоящим берсеркером. В пылу битвы он мог легко вгрызться

противнику в горло или откусить ухо. Что примечательно, здоровяк всегда глотал выдранные части и продолжал сражаться. Всех, кого не настигала массивная челюсть, карал огромный молот. Но сегодня оружие покоилось у скамьи, и перебравший мясного пива воин определённо скучал. Пока хмельной рассудок вдруг не родил идею: почему бы не закусить носом Кайлор Несразимой? Будет забавно посмотреть, сохранит ли воительница самообладание или станет верещать, как лишённый шкуры песец.

Смачная отрыжка придала решимости – Олаф выбрался из-за стола, однако тут же почувствовал тяжесть в животе: уж больно просилось наружу выпитое пиво, – и варвар подумал, что неплохо бы тому стать льдом на бревенчатой стене, дабы ничто не мешало развлечению. Медвежьей походкой дойдя до выхода, он распахнул дверь и замер на полушаге. Прямо перед ним стояло странное белое животное. Будто однажды увиденное чучело ящерицы ожило, обросло шерстью и вымахало до двух метров. Вдобавок научилось ходить на задних ногах, отчего передние когтистые лапы укоротились, обратившись в живые серпы. Закончив нюхать жёлтый снег возле порога, существо подняло вытянутую морду – чёрные, как ночь, глаза поравнялись с лицом Олафа, а из-под приподнятых губ показались похожие на костяную пилу зубы. Заметив меж двойными клыками клочок оленьей шерсти, варвар недобро процедил:

– Это ты зря...

В следующую секунду он сомкнул челюсть на ощеренной морде, но уже через мгновение сам рухнул замертво с откушенным лицом.

* * *

Заснеженный лес утомлял взор однообразием, напоминая бродячий театр, годами колесивший по стране с одним-единственным представлением, пока последний горожанин не начнёт воротить нос от давно выученных фраз – когда деревья вдруг поползли вверх Джон даже удивился. Остановившись у подножия холма, Эрминия развернулась и похлопала рукой по висевшей на поясе мошне, плоской, как живот нищего: её обитатели перекочевали к убитым горем крестьянам ещё в Виверхэле.

– Ух-Нод за пригорком. Самое время всем вывернуть карманы. Торгуюсь я неплохо, но, раз придётся покупать припасы, меха и оружие, пара золотых в загашнике не повредит.

– Оружие? – переспросил следопыт. – Думаешь, не выдержит мороза? – он внимательно взглянул на хмурую северянку.

– Твоим мечом можно снести башку, ухитриться пронзить броню, хоть она тут и толстенная. Но он не из грондэнаркской стали. Встретится с местным клинком – разлетится на куски. Впрочем, и нагрудник на тебе лишь до первого удара молота.

– Понятно... – тоскливо сказал Джон, нащупывая боко-

вой карман штанов: до смерти в нём точно водился звон, да и сейчас пустым он не казался.

– Ты так уверена, что нам не избежать сражений? – видя, как все скучковались, Лайла чуть расширила огненную проекцию, превратив её в кольцо.

– Здесь иначе не бывает... если, конечно, выжить хочешь.

– Печально, – заключила вампирша. – Как и то, что платье не имеет карманов. У меня ничего нет, – она коснулась груди и погладила пальцами ключ-медальон, каким мог похвастаться каждый из друзей. – Был бы рядом банк...

– Ну, полсотни золотых у нас наберётся, – Рэксволд глядел на следопыта, державшего на ладони пригоршню монет. – Там штук десять. Ещё мои. Я ж с Савальхата больше не тратился, – он перевёл взор на северянку. – Меня больше беспокоит другое: вдруг в поселении окопался какой-нибудь клан? Тебя тут восемь лет не было, Эрми, а ты хочешь сунуться туда одна...

– Клань отмечают свои деревни знамёнами. Если они есть, я замечу их ещё с холма. Тогда придётся кумекать дальше.

Джон поднял глаза к потемневшему небу, что проступало клочками за сосновой сенью:

– Шибко не разумекаешься. Дело-то к ночи.

– Осенью здесь сумерки длинные: ни конца, ни края – будто рогатину глотаешь, – воительница развязала мошну. – Времени на раздумья как шерсти в берлоге, – распахнув ко-

шелёк пошире, она повернулась к следопыту.

– А чего тут думать? – Рэксволд зыркнул на пленника, который, избавившись от прищура, стоял с раздражающе невозмутимым лицом. – Вон... голодранца к ним пустим. Даже уговаривать не придётся. Куда он намылится на морозе, как не в деревушку? Пока будет отвлекать внимание, захватим поселение. Не подыхать же в сугробах. Лайла, покуда нам ещё твоей магии хватит?

– Продержусь как-нибудь... Только, боюсь, нас опередили...

– В смысле? – ассасин выставился на вампиршу.

Та перебирала носом дуновения ветра:

– Улавливаю запахи крови... Человеческой крови... Множество оттенков...

– Ну-ка... Присмотрите за ушастым...

Сделав несколько быстрых шагов, Рэксволд поднырнул под огненный обруч и с ловкостью снежного барса устремился вверх по лесистому склону – стужа, изумлённая такой дерзостью, нагнала ассасина лишь через полминуты, на вершине, где с неистовостью ледяной королевы впилась в лицо незримыми ногтями. Однако воин не обращал на это внимания: слишком уж интересный вид открывался с холма.

Девять деревянных домиков. Покрытый багровыми пятнами снег. Лежащие повсюду тела. И тишина, тяжёлая, словно надгробная плита.

– Похоже, нам подмигнула удача... – задумчиво пробормо-

мотал Рэксволд. – Или смерть...

Глава 2

Метель – неустанный могильщик Грондэнарка. Она прячет в морозном серебре посмертные улыбки, гримасы отчаяния и суровые, будто вытесанные из камня, лица. Всех с самого рождения ждёт снежный саркофаг. Редким усопшим выпадает честь избежать его, упокоившись в древних курганах или ритуальных кострах. Немногим живым везёт не угодить в него раньше времени. Смерть в бою – всегда почётна, но истинное мастерство воина демонстрирует лишь седина. В Ух-Нод, среди темневших повсюду мертвецов, жемчугом волос отличился только один варвар, смотревший пустым взором на приближавшихся странников...

– Что здесь произошло? – Лайла с ужасом озиралась на окровавленные трупы, блестящие оружием в свете огня.

– Обычная стычка... – Эрминия глядела вглубь поселения. – Видишь красную тряпку на самом большом доме? Клан «Смеющийся топор». Те ещё животные. Во главе раньше стояли два брата: Льётольв Кроворыл и Стэри Лошадина Грива. Скорее всего, так и сейчас. Тут редко меняются лидеры.

– Среди убитых нет ни женщин, ни детей, – отметил Джон. – Видимо, какой-то отряд положили...

– Правильно мыслишь, – кивнула воительница. – И раз никто до сих пор не мародёрствует, значит, поселение пу-

стует. Ух-Нод теперь стоянка, где всякий может погреть кости перед долгой дорогой... Всякий, кто умеет за себя постоять... А эти ребята явно умели... – проходя мимо скрюченного покойника, что замер в попытке собрать вываленные наружу кишки, она слегка пнула того в плечо. – Не заочевший... – Эрминия провела настороженным взглядом по округе. – Победитель где-то неподалёку...

– Тогда почему мы не слышали сражения? – Лайла невольно заговорила тише. – Звон оружия? Крики? Даже мой острый слух ничего не уловил.

– Дык четырнадцать ног снегом скрипят... – держа руки на кинжалах, Рэксволд присматривался к тёмным окнам домов. – Радуйся, что не оглохла.

– Холм тоже не способствует слышимости... – вполголоса сказал следопыт. – Вдобавок сами часто разговаривали... – он поглядел на варвара, чей меховой воротник густо залила кровь. – Куда важнее сейчас не присоединиться к ним...

Обледеневшие сапоги распахивали всклокоченный побоищем снег – странники дошли до середины поселения. По расцветающему пучку следов стало ясно, что воины высыпали гурьбой из двухэтажного здания, а затем один за другим нашли свою смерть в ожесточённой битве.

– Хм... – Джон опустился на колено у крупного отпечатка, по форме напоминавшего птичью лапу. – Странно... Судя по размеру и глубине следа, пернатый весит под сто килограммов. Помнится, во время путешествий я встречал ди-

ковинных птиц, здоровенных, которые шустро бегают и лягаются похлеще ослов...

– Пф, тоже мне диковина, – одёрнув пленника, Рэксволд остановился. – Страусы. Их валом между Аль Хероном и Вирхэлем. Только здесь они от холода сдохнут.

– Как и шершни, – Джон бросил на ассасина многозначительный взгляд.

– Как и шершни... – согласился тот, и они оба посмотрели на Лайлу.

– Гигантские северные птицы? – вампирша приблизилась к следу. – Я не знаю таких существ. В силу постоянных междоусобиц и нелюбви к иноземцам, Грондэнарк неохотно делился записями о своей флоре и фауне с другими королевствами. А из тех исследователей, кто отважился покорять ледяные просторы, по понятным причинам вернулись немногие...

– Зато я знаю, что это за тварь... – Эрминия подняла из снега отрубленный дугообразный коготь длиной в полторы ладони. – Снорха тебе в спину... – процедила она и тыкнула полусогнутым пальцем в невидимого собеседника, словно вгоняла перст ему в тело. – Дважды видела, как с таким пожеланием старики провожали неугодных, ибо уже слишком дряхлые, чтоб всадить топор меж лопаток.

– Снорхи... – Лайла задумалась, и огненная проекция тревожно замигала. – Кажется, я встречала их в бестиарии... Маленькая заметка без рисунка... Это создания стихии Воз-

духа... Или Воды? – сама себя спросила вампирша. – Нет, точно Воздуха. Там же было про морозное дыхание... Или морозный укус... – она насупилась и после недолгих размышлений тихо пробормотала: – Я... не помню...

– Ты нормально себя чувствуешь? – Рэксволд не сводил глаз с обладательницы феноменальной памяти.

– Вполне... – Лайла сделала полшага назад, но как-то неуверенно, будто опасалась провалиться в трясину. – Просто... Немного устала... Самую малость...

– Лови её, – быстро сказал ассасин стоявшему рядом с ней Джону.

По заторможенной речи тот уже и сам понял, что возлюбленная сейчас упадёт в обморок. Ловко подхватив её, следопыт поднял девушку на руки – на снегу зашипели оранжевые искры, отголоски потухшей проекции.

– Она никогда так долго не колдовала. Видимо, держалась из последних сил... – хмуро проговорил Джон. Щурясь на холодном ветру, он направился к двухэтажному дому.

– Там труба смолит и дверь нараспашку... – Эрминия выдернула топор из руки ближайшего мертвеца, зачерпнувшего снег разинутым ртом. – Я разведу...

Рэксволд посмотрел на громко фыркнувшего Бамбука, который без лишних напоминаний побрёл за хозяином, и толкнул пленника в спину:

– Давай пошёл...

Тёмно-серое, словно пепел, небо наблюдало, как странни-

ки приближаются к бывшему дому деревенского старосты, где уже издаലെка были приметны чьи-то сапоги: прямо у порога лежал варвар с обглоданным лицом. Подперев плечом косяк, Эрминия с осторожностью заглянула в помещение — лицо обдало слабым теплом. Догорающий костёр. Перевёрнутые лавки. Несколько сдвинутых вместе столов. Просторный зал, занимавший весь первый этаж, казался нелюдимым. Бесшумно переступив труп, северянка скользнула внутрь. Несмотря на затекавшую в дом морозную свежесть, в воздухе ещё чувствовались запахи жареного мяса и пива, коим здесь было окроплено всё: от грузных столов до земляного пола. Взгляд Эрминии задержался на стоявших в углу, распахнутых колодках, а затем метнулся к ступенчатой лестнице напротив, откуда донёсся тихий скрип половицы — на втором этаже кто-то был.

Воспользовавшись тем, что остальные входили в дом, Эрминия замаскировала шаги в шуме и тенью поднялась наверх. Взору открылся тёмный коридор: по левой стороне зияли три дверных проёма, по правой — с трудом различались наглухо забитые окна. Тьма играла на руку затаившемуся врагу.

Чтобы не выдать своё присутствие, воительница пошла вплотную к стене: нерасшатанные доски пола, редко видевшие чью-то ступню, обычно не отличались ворчанием, впрочем, как и люди, души которых не топтали десятки грязных сапог.

Держа наготове топор, Эрминия беззвучно плыла в полумраке. И тишина наградила её за усилия: в дальней комнате слышался шорох. Кто бы там ни прятался, он вряд ли имел благие намерения...

Внизу раздался громкий голос Джона, слишком весёлый, будто он рассказывал шутку старому другу, попутно звеня какими-то предметами: ещё один отвлекающий манёвр – можно было не сомневаться, что Рэксволд уже тоже на втором этаже. И правда, спустя несколько секунд, прямо перед первой комнатой, на плечо северянки осторожно легла ладонь. Эрминия тремя прикосновениями обозначила ситуацию. Ассасин бесшумно вернулся вниз, после чего стал вразвалку подниматься по лестнице. Освещая дорогу найденным у колодок факелом, он неспешно побрёл по коридору, заголосившему на все лады скрипучими половицами. Эрминия же, оставаясь чуть позади, дабы не отбросить предательской тени, двигалась вдоль стены.

Хоть некто и засел в последней комнате, не стоило оставлять без внимания две другие. Во-первых, это могло вызвать подозрение, во-вторых, легкомысленность чревата ножом в спине. Рэксволд поочерёдно заглянул в оба помещения: ничего, кроме поломанной мебели, которой, как подсказывали изрубленные шкафы, кормили очаг и разведённый посреди зала костёр. Всё. Подлянки исключены. Самое время узнать, кто скрывается под покровом темноты...

Сохраняя непринуждённость в походке, Рэксволд прибли-

зился к третьей комнате, где вдруг выронил факел, – тот, на миг погрузив коридор во мрак, покатился по полу. В воздухе запахло жжёной пылью.

– Мать твою... – буркнул ассасин и нагнулся за факелом, коптившим доски огненным ореолом.

В ту же секунду из дверного проёма кто-то выскочил – в свете пламени сверкнуло два лезвия: занесённого над Рэксволдом тесака и топора Эрминии, с хрустом прорубившего бок незнакомца. С хрипом сложившись пополам, нападавший рухнул на колени, а поцеловавшись с коленом северянки, отлетел обратно в комнату. Вслед за ним в сумрак помещения устремились брошенные веером кинжалы – судя по звуку, все четыре упокоились в стене.

– Видать, это всё... – подняв факел и выпавший тесак, ассасин вошёл в комнату. – Да, больше никого, – он смотрел на остатки мебели, которую ещё не успели разобрать на дрова. – Только куча пыльного хлама... Эх, как в старые добрые времена: слаженная работа двух наёмных убийц.

– Dein koraiw nok-shger... – раздался за спиной тихий хрип.

– Жив, что ль? – Рэксволд обернулся на поверженного варвара и поднёс факел к его щербатому лицу. – Чего он там бормочет?

– Пусть вы призвали демонов... – поймав пристальный взгляд умирающего, начала переводить Эрминия. – Вам не вернуть её... Даже тела... Она кормит рыб на дне озера...

Воин закончил говорить, с бульканьем усмехнулся и издал протяжный выдох.

– Это он про существ? – покосился на спутницу ассасин. – А, чёрт с ним. Ещё шарады покойников я не разгадывал. Пойдём, – он быстро обошёл комнату, повывёргивав свои клинки. – Внизу мы сейчас нужнее.

* * *

Едкий вдох пробудил сознание – Лайла медленно открыла глаза. Расплывчатое изображение сформировалось в бревенчатую стену, по которой призрачной рекой стелился дым. Услышав рядом шаги, вампириша поняла, что это потолок. Она повернула голову, увидев, как Джон несёт на железном щите раскалённые угли. Воин остановился у массивной печи и забросил в неё алеющую горку.

– Додумались тоже... Дикари... – разгоняя ладонью дым, он оглянулся на чёрный круг, след от перенесённого в каменную темницу костра. – Так... Ты там ещё на месте? – Джон посмотрел на сидевшего в углу пленника, что наблюдал за ним строгим, непоколебимым взглядом. – Вот и славно.

Лайла осторожно поднялась, рефлекторно одёрнула платье, словно это могло приукрасить помятый вид грязной одежды.

– Очнулась. Слава лесу! – обернулся на шорох следопыт. – Я пытался тебя разбудить, но ты не реагировала, – он подошёл к подозрительно озиравшейся вампирише и ласково, на-

сколько позволяла грубая ладонь воина, погладил её по спине. – Я уж было думал опять... Как ты?

– Лучше, чем когда мир плывёт и угасает. По-видимому, я переоценила свои магические возможности... Где мы? – взор изумрудных глаз метнулся к заскрипевшей лестнице.

– Это свои, – успокоил Джон. – Мы решили пока укрыться в одном из домов, – он оглянулся на спустившуюся парочку: – Был там кто?

– Ага, – улыбнулся Рэксволд и бросил тому в руки тесак. – Лови гостинец.

Следопыт поймал находку: по широкому клинку растекались свежие брызги крови. Но, что бы ни произошло наверху, ассасин точно пребывал в хорошем настроении. Победы в сражениях бодрили его сильнее холодных родников и пьянили крепче сивухи. Разумеется, в ближайший час он будет невыносим. Зато можно не бояться за жизнь пленника: пока волки сыты – целы и овцы.

– Вижу, боевой маг снова в строю? – посмотрел на вампиру Рэксволд. – Отлично... А что за дымка кругом? А-а-а, понятно. Чернобровая хозяйшка костёр спроварила. Факелы на стенах развесила. О, и даже мусор вынесла, – отметил он отсутствие трупa у ныне запертой входной двери. – Кстати, засов выдержит, если эти твари сюда ломиться вздумают?

– Выдержит, – моментально ответила Эрминия. – Кто-то, а незванный гость на пороге здесь не редкость. То вра-

ги с утра пораньше нагрянут, то медведь ночью забредёт, то пьянь какая дом перепутает. Двери делают толстыми, замки – крепкими. Иногда проще хату спалить, чем войти в неё.

– Тогда... – Рэксволд обвёл взглядом столы. – Самое время устроить пир из чужих объедков. Прежде чем пойдём на мороз мертвецов дербанить.

– Дербанить мертвецов? – захлопала глазами Лайла. – Зачем?

– А тебе тёплую броню на карете привезут? – криво усмехнулась Эрминия.

– Вам с Джоном идти не обязательно. Лучше за пленником присмотрите. Мы что поцелее притащим сюда. Просушить-то надо. От снега, крови, мочи. Потом выберешь себе обноски посимпатичнее.

Если мысль о предстоящей трапезе вызывала неприязнь, то сейчас вампиршу аж передёрнуло: надеть потные, грязные одежды покойников, которые и при жизни вызывали стойкое чувство гадливости. А уж сколько запахов распознает вампирическое обоняние...

– Я не стану... – Лайла переводила потерянный взор между странниками.

– Станешь, коли жить хочешь, – тоном, не терпящим возражений, ответила Эрминия. – Север редко шлёт дары. Здесь сдохнуть проще, чем чихнуть. Считай это добрым знаком, – воительница подошла к ближайшему столу и, отщипнув кусок от свиного остова, закинула его в рот. – Хм. Неплохо...

– Она права... – ненавязчиво согласился следопыт.

– Добрый знак? – вампирша посмотрела на Джона: в её глазах появился загадочный блеск. – Охваченная войной чужбина. Убитые существами люди. Еда из объедков. Одежда с трупов. Добрый знак? Безусловно. Я поняла... – она проследовала к столу и залпом осушила кем-то не допитую кружку.

– Во даёт... – опешил Рэксволд и ошарашенно поглядел на следопыта.

– Это что-то новое... – пробормотал Джон, не сводя глаз с закашлявшейся возлюбленной.

– Мясное пиво, – усевшись на стол, спокойно заговорила северянка. – Крепче любого эля. Я бы на твоём месте не налегала... Эй! – обратилась она к темнокожему, что тут же пронзил её холодным, как лёд, взором. – Жрать хочешь? – вопрос был сопровождён кивком на блюдо.

– Развяжешь его? – насторожился ассасин.

– Таскай меня телком на верёвке, я бы тоже молчала. Он видел, что за дверью. Бежать некуда. Мы в одной лодке.

– Я сам... – проворчал Рэксволд и подошёл к сидевшему на лавке пленнику. – Похоже, ушастый, тебе перепала свобода. Вставай давай... – на подманивающие движения пальцами тот отреагировал неподвижностью статуи. – Да, стол подпирать, конечно, важнее. Боги, он и правда тупой...

Ассасин наклонился, чтобы снять путы, и только молниеносная реакция спасла его от устремлённого в челюсть ку-

лака. Увернувшись от удара, Рэксволд выхватил кинжалы. Темнокожий же завалился на лавку и, подобно бревну, укатился под стол – с места, где он сидел, на пол сполз кожаный повод.

– Да, Джон, тебя только стеречь кого-то оставлять... – Рэксволд обжёг растерянного следопыта свирепым взглядом. – Готовься выносить ещё одного...

Вставшая Эрминия вытащила из-за пояса топор и посмотрела на остроухого, который вынырнул с другой стороны стола со сжатыми кулаками:

– Я думала, ты умнее...

– Хватит! – вампириша со стуком поставила кружку и сверкнула глазами. – Он напуган. Я была на его месте. Знаю, что говорю, – выставив перед собой ладонь, словно приближаясь к дикому зверю, она начала медленно обходить столы. – Не нужно боевых стоек... Мы тебе не враги... – мягкий, успокаивающий тон девушки стал похож на бархат.

– Лайла... – предупреждающе произнёс Джон, видя, как темнокожий готовится к удару.

– Будете мешать – подпалю... – всё тем же дружелюбным голоском сообщила вампириша и подняла вторую ладонь. – У меня ничего нет... Видишь, не вооружена... – она вновь опустила одну руку, сократив расстояние до двух метров. – Я... – Лайла коснулась груди. – Приглашаю тебя... – направленный на остроухого палец. – Поесть... – последний жест указал на стол.

Затем девушка опустилась на ближайшую лавку и, повернувшись лицом к друзьям, пододвинула к себе котелок с каким-то варевом, позволяя выходцу из другого мира обдумать предложение.

– Лайла! – крикнул Джон, но было уже поздно.

Вампирша почувствовала у горла что-то острое, вероятно, какой-то осколок, незаметно захваченный из-под стола. За спиной раздался незнакомый голос, неизвестное шипящее наречие, будто её в заложниках удерживала змея. После над головой возникла рука, сперва указавшая на Рэксволда, а потом на дремавшего в дальнем углу Бамбука.

– Никому не дёргаться, – пальцы ассасина перевернули кинжал, подготовив клинок для броска. – Я подгадаю момент и уложу его...

Смерив взглядом воина в чёрном, темнокожий пригнулся – Лайла покосилась на свисшие по обеим сторонам лица белоснежные пряди.

– Тупой, говоришь? – лицезрея «живой щит», процедила Эрминия.

– Рэкс, не надо, – покачал головой Джон. – Слишком рискованно...

Внезапно взметнувшийся кулак Лайлы протаранил челюсть остроухого – тот отлетел без сознания, даже не поняв, что случилось.

– В этот раз он сделал неправильный выбор, – в глазах вампирши растаяло кровавое зарево, а вертикальные зрачки

приняли круглую форму.

– Неплохо, – убрав топор, Эрминия снова уселась на стол.

– Обошлось... – облегчённо выдохнул следопыт.

– В этот раз?! Тебе пошло в голову ударило? Дай я его прирежу и дело с концом! – выпалил Рэксволд. – Сколько можно с ним церемониться?

– Такие выходы уже ни в какие ворота не лезут... – недовольно скрестил руки Джон. – Даже мне хочется его придушить... Или выкинуть на мороз...

– Понимаю... Только и меня когда-то хотели казнить в развалинах... – отпарировала Лайла, вмиг остудив пыл обоих собеседников.

– До скончания веков припоминать будешь... – ассасин нехотя загнал клинки в ножны. – Ладно... Тогда пусть наверху сидит. Голодный. Связанный по рукам и ногам. Там ему и комната есть, и компания, – на последнем слове он чуть ухмыльнулся. – Образумится – получит жрать.

– Справедливо, – согласился Джон.

– Ну хоть чью-то жизнь я могу спасти... – оглянувшись на поверженного, грустно улыбнулась Лайла, а затем пододвинула к себе бронзовый кувшин. – Что вы так на меня смотрите? Я заслужила...

* * *

Заперев пленника в дальней комнате второго этажа, странники наконец смогли утолить голод, который незримо

плёлся за ними ещё с Виверхэля, но в последние часы стал настолько осязаемым, что скрёбся в животах беспокойной крысой. Однако сушёная рыба с остатками мяса и сухарей уgomонила эфемерного зверька, и теперь остальные с интересом наблюдали, как Лайла допивает уже третью порцию мясного пива.

– Такой необычный вкус... – вампирша приняхивалась к тёмному содержимому сучковатой кружки, грубо вытесанной из куска древесины. – И запах... Из чего делают этот напиток, Эрми?

– Слыхал, Джон? – серо-голубые глаза северянки, похожие на прозрачные льдинки, сковал насмешливый прищур. – Готовься медвежатиной запасаться, ну или волчатиной хотя бы, – отодвинув полную костей глиняную тарелку, она посмотрела на Лайлу. – Вяленое мясо, хвоя да грибная закваска.

– Да уж... – Джон тоже взглянул на сидевшую рядом вампиршу, которая вновь потянулась к кувшину. – День, конечно, полон потрясений, да и без передыху колдовать несколько часов – то ещё испытание... Но тебе ж потом плохо будет. Может, стоит просто выспаться?

– Мне всё равно... – безмятежным голосом проговорила Лайла. – Не хочу сейчас ни о чём думать... В голове так легко... Ничто не тревожит...

– Угу, – расположившись у стены, ассасин, с закинутыми на стол ногами, лениво поигрывал кинжалом. – Я так в запой

на месяц ушёл... Почти не просыхал...

— Я не настолько пьяна, как может показаться... — уверенно заявила вампирша.

— Все пьяные так говорят... — вращая на пальце кинжал, ухмыльнулся Рэксволд. — Смотри, забудешь, как колдовать... — через несколько секунд он вздрогнул от вспыхнувшего клинка и выронил его на пол, с опозданием осознав, что пламя ничуть не обжигало.

Лайла хихикнула, а Джон, видя замешательство друга, не сдержался и прыснул.

— Очень смешно... — ассасин всё же улыбнулся. — Упыются всякой дрянью и ржут над трезвыми. Да, Эрми?

— Сказал тот, кто сам недавно кружку осушил... — Эрминия, доставшая трофейный топор, разглядывала многочисленные зазубрины.

— А ты видишь здесь воду? Или предлагаешь сходить снега набрать, да ещё не жёлтого и не красного — нормального, за которым надо подальше прогуляться? Я пока не горю желанием валить куропаток-переростков с когтями, как бычьи рога. Сперва маленько отдохну. Пусть еда провалится. Потом уже пойдём трупы ворочать. Заодно и бурдюки наполним.

— Деревню надо прошерстить, — северянка кинула топор на стол, и вся разномастная посуда вздрогнула единым хором. — Не пешком же эти ублюдки сюда шли. Авось сани за домами бросили, а оленей в амбар загнали. Вот прям чув-

ствую...

– Хорошо, гляну... – участливо кивнул следопыт.

– Ты-то тут при чём? – с толикой возмущения выставился на него Рэксволд. – Тебе вон пленника даже доверить нельзя... Помрёшь ещё где-нибудь. Сиди здесь. Второй раз через это всё я проходить не собираюсь.

– Ну так и вы не бессмертные, – настаивал на своём Джон. – Втроём быстрее будет и безопаснее. Лайла в доме закроется. За очагом присмотрит, чтоб не потух.

– Угу. И уснёт. Хрен потом достучишься и сдохнешь на морозе. Нет уж. Ты с алкотой кукуешь тут... – сделав акцент на обидном слове, ассасин посмотрел на Лайлу, которая так увлеклась изучением узора на кувшине, что пропустила всё мимо ушей. – Видишь? – он снова взглянул на следопыта.

Джон наблюдал, как возлюбленная, подобно художнику, начала вычерчивать в воздухе волчий лик, только вместо красок использовала огонь:

– Ладно, твоя правда...

* * *

– Получилось! – Лайла весело хлопнула в ладоши и наконец смогла отвести взор от пламенной морды зверя, плоской, повисшей над столом словно нанесённый на стекло рисунок. Обнаружив в зрителях лишь следопыта, вампирша непонимающе огляделась. – А где Эрми и Рэкс?

– Ушли, – кисло улыбнулся сидевший напротив Джон. –

Славный волк...

– Когда?.. – округлила глаза девушка, и ментальная проекция рассыпалась на оранжевые искры.

– Минут десять назад.

– Но... – вампирша вдруг подозрительно покосилась на своё запястье. Разгладив на рукаве мятые складки, она подняла на воина изумрудный взор. – А мы разве не должны быть с ними?

– Нам поручено следить за пленником и печью. Кстати, о последней... Поди всё прогорело? – следопыт выбрался из-за стола и приблизился к небрежной горке дров у очага, среди которых заметно выделялись три деревянные ножки от табуретки или стула. – Ну и варвары... – он положил на раскалённые угли два кедровых полена, что тут же принялись тихонько потрескивать.

– Нужно собраться и принять действительность... – Лайла задумчиво глядела на кувшин. – Завтра и так придётся примерить одежды мертвецов... Кроме того, вернутся хмурые мысли... Последствия праздности окончательно добьют меня... А они будут, если я не прекращу... Я ведь права? – будто не доверяя собственным суждениям, она посмотрела на Джона, вновь севшего напротив.

– Здоровые вещи говоришь, – на лице собеседника отразилось уважение, приправленное доброй улыбкой. – Никак трезвеешь? Недолго же тебя градус держит. Но оно и к лучшему. Одно дело немного забыться, другое – упиться так,

что потом надо себя по частям собирать.

– Звучит не очень... – тоскливо промолвила вампирша.

– Погоди... Ты что, никогда не напивалась?

Лайла медленно помотала головой.

– Серьёзно? Ни разу за всю жизнь? – вскинул бровь следопыт.

– Светские банкеты располагали лишь к лёгкому увеселению. Ни нужды, ни тяги к более серьёзным шагам я не испытывала. А теперь такие напитки действуют на меня слабо. Я чувствую, как тело обдаёт приятным теплом, как громче и быстрее бьётся сердце, но разум... Разум остаётся ясным. Однако, мясное пиво непохоже на эль или вино. От него время словно замирает и в голове плывёт странная пелена. Мне она напоминает омут молочной реки...

– О как... – поставив локти на стол, Джон подпёр подбородок кулаком.

– Да... – наматывая на палец волнистую прядь, Лайла потупила взгляд. – Потому, если я сейчас говорю что-то несуразное...

– Брось. Мне любопытно послушать о твоих ощущениях. Вот только отсюда слышно плоховато... – хитро прищурился следопыт.

– Правда? – вампирша встала и, обойдя стол, элегантно опустилась на колени воина, который тут же заключил её в объятия. – Стоило заикнуться, что и на меня нашёлся дурман, как ты уже вовсю манипулируешь перебравшей девуш-

кой? – изящная улыбка обнажила кончики клыков.

– Перебравшей? Тебе до опьянения, как от этой лавки до Эльтарона, – глядя в летнюю зелень глаз, усмехнулся Джон. – Хоть бы намёк на пошатывание. Но нет. Вся грация при тебе. Как и красота... – он коснулся пальцами прохладных губ. – Я скучал по твоей улыбке. Такой нежной... и бесконечно завораживающей.

– Как жаль, что за ней стоит лишь причудливый напиток... А потом чары грондэнаркских даров развеются и все тревоги разом ввергнут меня в уныние. Остановить время мне не под силу, но продлить счастливые часы я могу... – Лайла качнула головой в сторону кувшина. – Да и от бочонка в дальнем углу отнюдь не пустотой пахнет...

– Не стоит. Поверь, похмелье – это последнее, с чем ты захочешь столкнуться утром...

Томные взгляды сменились поцелуем, долгим, как северная ночь, и жарким, как алые угли очага. Отодвинув все невзгоды, пусть и под влиянием градусов, так приятно вернуться к самому началу, вновь пробудить мелодию романтики... Однако единение влюблённых душ нарушил громкий стук в дверь: четыре удара, с небольшой задержкой перед последним.

– Так, это свои, – опознал Джон условленный шифр и, пересадив вампиру на лавку, поспешил к выходу. – Надеюсь, ничего не случилось... – он выдернул из крюков тяжёлый засов.

Дверь распахнулась – вместе с метелью на земляной пол ступила нога Рэксволда, румяного, как осеннее яблоко.

– Ух, натоплено-то как, – он бросил наземь набитый мешок. – Держите первую партию. Сразу говорю, со штанами придётся туго: что ни труп, то уже обгадился. Вроде замёрзшее дерьмо вытряхнули, но надо будет снегом почистить... Чего? – оглянулся ассасин. – Ага, иду... Не скучайте тут, – убийца шагнул наружу.

Хоть дверь и захлопнулась, взор Лайлы висел на ней старым плащом, небрежно накинутым на ржавый гвоздь:

– Знаешь, Джон, – наконец сказала она, – пожалуй, я рискну познакомиться с похмелем...

* * *

Пламя воткнутого в сугроб факела задрожало от снежного хоровода – Рэксволд перевернул лежавшего на боку покойника и принялся снимать с него накидку из волчьей шкуры. Так ловко орудовали разве что мародёры, опасавшиеся встретить на поле боя конкурентов, представителей закона или друзей павших воинов. Но всё было проще: не хотелось лечь рядом под гнётом мороза.

– На, набрось, – он сунул меховую накидку Эрминии, трамбовавшей вещи в грязном мешке, и принялся расшнуровывать перчатку на заоченевшей руке. – Давай-давай. Надевай, – на секунду скосил глаза ассасин. – Да что такое?.. Ну понавязали... Нет, чтоб ремешки сделать... Так, так... и

вот так. Всё. Толстая-то какая... – Рэксволд кинул перчатку в мешок и, поднеся пальцы ко рту, обдал их горячим дыханием. – Вторая – рваная... Что тут ещё? Обувка? Пойдёт. Раз сапог. Два са... Отдай, говорю. На кой они тебе сдались? Ты же труп... – он вывернул задубевшую ногу, после чего рванул её на себя, обнажив бледную ступню. – Два сапог, – снятая пара тоже полетела в холщовую утробу. – Здесь вроде всё. Штаны и нагрудник подраны...

– Прямо куски мяса вырваны... – северянка глядела на глубокие раны мертвеца, багровые лохмотья вокруг которых наминали листья красного папоротника. – Пойдём к следующему.

– Ага, – разогнулся ассасин. – Вон к тому, в тёмной броне. Кажись, мой размерчик.

– А потом заглянем в амбар... – Эрминия поправила накиннутую на плечи шкуру, обнимавшую грудь волчьими лапами. – Если мне не мерещится, там из-за угла сани торчат...

Поёжившись от холода, Рэксволд бросил взор на второе по величине строение, с приставленной к чердачному окну лестницей.

– Может, и сани. Темно, чёрт разберёшь. Да ещё метель эта... – он выдернул факел и поровнял огонь с горевшим от порывов ветра лицом, позволяя теплу обласкать его. – В любом случае для стада оленей слишком тихо.

– Поэтому готовься пустить в ход булаву, – кивнула на заткнутое за ремень оружие северянка. – Проверить стоит, –

она направилась к трупам в бурой броне и с медвежьей головой, в раскрытой пасти которой белело рассечённое по диагонали лицо.

– Надеешься топором да булавой отмахаться от смертоносных тварей? – зашагал следом ассасин.

– Подними глаза, Рэкси... – Эрминия возвела взор к ночному небу: там сквозь снежный полог проглядывали призрачные силуэты двух лун, сросшихся краями, как макушки уродливых младенцев. – Это север. Здесь возможно всё.

Глава 3

Для цивилизованного общества Грондэнарк – суровое королевство, где веками, подобно морю, плещется война. Порой её брызги долетают и до других континентов. Немудрено, что кузнечное дело здесь достигло совершенства. Однако чужестранцы и не догадываются, кто является главным врагом любого варвара, опасным, словно тысяча кланов, и бессмертным, как драугр из детских страшилок, – всепоглощающий мороз. Именно поэтому северяне в первую очередь превосходные строители, потом уже охотники, воители и кузнецы. «Не пытайся сковать меч, коль не можешь сложить печь» – пословица и негласная заповедь обледенелого края. Проходя сквозь столетия студёной стрелой, она несёт простую истину: мертвецам не нужно оружие...

Разложив вещи у дышащей жаром печи, Джон задумчиво глядел на пустой мешок:

– Надо же... Холстина. Здесь, посреди снежной целины, когда до берега сотни миль. Любопытно, золотом за тебя расплатились... или сталью. Ох, что я делаю? – следопыт усмехнулся. – Треплюсь с мешком. Вот ведь... Что ни говори, а местное пиво дурманит похлеще вина. Одной кружки хватило. Может, не стоит продолжать, Лайла? Одумайся, пока не оприходовала кувшин... – обернулся он.

Вампирша сидела за столом. Её пальцы медленно перебирали потрёпанный рукав. Напряжённый взгляд же гулял по ободку кружки.

– Не хочу... – тихо промолвила девушка.

– Что случилось? Ты чего такая смурная?

– А? – словно опомнившись, Лайла мотнула головой, стряхнув с лица осколки беспокойства. – Да так... Заноза от лавки... Под ноготь вошла...

– Вот зараза. Покажи, – приблизился следопыт.

– Я уже достала, – спешно заверила вампирша и даже улыбнулась. – С остальным справилась регенерация.

– И оттого ты пригорюнилась? – добродушный тон воина вселял умиротворение, но от его подозрительного взора Лайле хотелось провалиться сквозь землю. – Может, расскажешь, что тебя так гложет? – преисполненный внимания, Джон уселся рядом.

– Ничего от тебя не утаить... – девушка вздохнула, а затем отвела взгляд к потрескивающей печи, где за решётчатой заслонкой танцевали языки пламени. – Неприятное воспоминание.

вание... В возрасте пяти лет мне подарили лошадку-качалку, – искусную работу нового королевского столяра. Она была бесподобна. Сложно поверить, что мёртвое дерево смогло передать всё совершенство живых форм. Каждый изгиб, каждый мускул. К ним хотелось прикасаться, их хотелось гладить. Я не видела изъяна. Но он, к сожалению, присутствовал... Однажды шероховатый живот игрушки наградил мою ладонь мелкой занозой. Служанка застала плачущую принцессу. Не столько от боли, сколько от обиды, внезапно преданного доверия. Лишь спустя годы я узнала, что мастер над древесиной был лишён всех почестей и отослан в провинцию с запретом когда-либо брать в руки рубанок. Строгость отца не знала меры. А я по сей день чувствую вину за сломанную человеческую жизнь...

– Даже не знаю, что сказать... – после недолгой паузы с сочувствием произнёс Джон.

– Ничего не говори, – взор Лайлы упал в пустую кружку брошенной бедняку монетой, где, уподобляясь всё той же монете, тусклой и сиротливой, затерялся в сумраке дна. – Лучше открой дверь.

– Открыть? – воин оглянулся на вход. – Зачем? – он снова посмотрел на девушку.

Ответом стал четырёхкратный стук.

– Ну у тебя и слух... – покачав головой, поднялся следопыт.

Провожая взглядом закованную в сталь спину, Лайла

осторожно сдвинула рукав – на тонком запястье темнел узор из синих прожилок вен...

* * *

Порыв ледяного ветра ударил Рэксволду в спину, а тот – в дверь, которая никак не хотела открываться. Во второй раз четырёхкратный стук прозвучал громче, а от последнего удара, угрожающе сильного, с притолоки осыпался снег. Наконец лязгнул засов, и в разверзнувшемся проёме, на фоне тусклого света факелов, возник Джон.

– Резвее ходить надо... – потеснив его плечом, ассасин вошёл в помещение. – Наконец-то... Тепло... – он стряхнул с волос бело-серебристую шаль, уже не единожды подаренную метелью, и сразу же направился к печи.

– Да вроде не медленней, чем тогда... – следопыт смотрел, как переступившая порог северянка, стаскивает с себя меховую накидку, заснеженную, словно зимняя ель. – Как всё прошло-то? – спросил он, закрывая за ней дверь.

– Ты запираешься-то не спеши, – оглянулся Рэксволд. – По-твоему, мы полчаса задницы морозили, чтобы припереться с пустыми руками? Перед домом сани с барахлом. Можешь начинать перетаскивать. Не бойсь, снорхи, или как их там, тебя не утянут. Они должны быть сытыми: полный амбар обожранных оленей. Всех положили. Залезли через хлипкую крышу, аки лисы в курятник, и устроили бойню. А потом, судя по следам, догнались человечинкой и свалили куда-то

на запад...

– Держи... – Эрминия бросила Джону накидку и тоже проследовала к печи.

– Выходит, пока бояться нечего... – следопыт покрыл плечи волчьей шкурой и распахнул дверь.

– Если только полуголых мертвецов... – грея ладони у очага, ухмыльнулся ассасин. – Взяли всё, что смогли.

– Я помогу носить вещи, – отодвинув кружку, Лайла поднялась, но её решительность пошатнулась вместе с телом – девушка опёрлась пальцами на край стола: – Сидеть было проще, но я справлюсь...

– Да как бы тебя саму нести не пришлось... – скосил на неё глаза Рэксволд. – Весь кувшин приговорила, небось? Не смотри на меня так, я не осуждаю. Ты Джона с того света вытащила, нам окочуриться не дала. Имеешь право на заслуженный отдых. Коли я бы от усталости в обморок грохнулся, потом бы неделю баклуши бил.

– Вот, слушай Рэкса: в кои-то веки дело говорит, – улыбнулся следопыт. – А мне дай внести свой вклад... – заслонившись ладонью от метели, он шагнул в объятия ночи.

– Ну и ладно... – с обидой буркнула Лайла и плюхнулась на лавку, грузно и неуклюже, будто солдат, прогулявший в таверне уже половину жалования.

– Да-а-а, такое не каждый день увидишь... – любопытство согнало Рэксволда с жаркого места. Он примостился на угол стола неподалёку от вампириши, что сидела, подперев щеку

кулаком.

– Издеваться пришёл? – даже не повернула головы Лайла.

– Нет. Просветить неопытную. Пьют обычно для веселья. На тебе ж лица нет. Сказал бы я, что поило слабовато, но, как вижу, нет. А для последствий ещё слишком рано. Отсюда назревает вопрос...

– Почему, вместо того чтобы валиться с ног от усталости, ты находишь силы на расспросы? В самом деле, хороший вопрос... – вампириша подняла на собеседника пристальный взор. – Кажется, Эрми уже заскучала. Не желаешь вернуться и составить ей компанию?

Тот обернулся: усевшись перед печью, воительница неторопливо перевязывала косу.

– Нет, – со смешком произнёс ассасин. – Пусть хоть немного передохнёт от меня, – его взгляд, колющий и цепкий, как репейник, вновь упал на Лайлу.

– Намёков ты не понимаешь... – вампириша тяжело вздохнула, подтащила кружку и принялась рассматривать узор на деревянной ручке, ряд непонятных закорючек: по-видимому, имя прошлого владельца, грубо вырезанное ножом.

Жалобно скрипнул порог – в дом вошёл Джон с охапкой хвой и ведром снега, которое он сразу же водрузил на печь.

– Спасибо, что про коня не забыли... – сложил ветки на лавку следопыт.

– На разок хватит... – глядя в пламя, тихо ответила Эрминия.

Череди шагов, скрипнувший порог – силуэт Джона распорол выюжное полотно и снова пропал в темноте.

– Так на чём мы остановились? – по оживлённости ассасина можно было поверить в долгий разговор, ко всеобщему несчастью, прерванный на самом интересном месте.

Лайла затарабанила по столу пальцами. Потом остановила их. Кулак съехал с щеки на подбородок – вампирша развернулась к воину всем лицом, чтобы он по достоинству оценил его красноречивое выражение:

– Рэксволд... Если наша дружба хоть что-то для тебя значит, будь так любезен, оставь меня в покое...

– И не подумаю... – ответ прозвучал дерзкой пощёчиной.

– Что?.. – опешила Лайла, и туман тоски разметало пламенем ярости. – Тогда катись к... – она резко замолкла. Но не оттого, что не знала, куда послать ассасина. Наоборот. Пара направлений сразу же пришла в голову, а пивной дурман уже наложил их на язык, подобно стрелам. Только Рэксволд больше не смотрел в глаза – его взгляд падал чуть ниже, на запястье, где предательски сползший рукав обнажал синюю кляксу...

Выпей Лайла поменьше, не допустила бы столь глупой оплошности. Теперь же всем станет известна печальная правда: без завязанной на крови регенерации любые магические способности, будь то пиромантия или вампирическая сила, разрушают тело не хуже яда. Отказаться от светлого дара? Забыть про тёмный? Стать никем и молча наблюдать ги-

бель друзей, когда очередной всполох на горизонте обернётся штормом судьбы? Однозначно нет. Однако меньше всего хотелось обрести репутацию кровопийцы, паразита, видевшего вместо людей лишь галлоны багрового нектара. Особенно в глазах Джона. А вот и он...

Следопыт занёс в помещение огромный ком вещей с лежавшей сверху связкой бурдюков.

– Там это... – неуверенно сказал он. – Две луны...

– Морозный мираж... – Эрминия широко зевнула. – По зиме небо вообще сине-зелёным сияет...

– Понятно... – скинув поклажу у печи, Джон снова направился к выходу. – Я уж думал меня так с одной кружки...

– Ты таскай шустрее, не отвлекайся... – бросил ему вслед Рэксволд. – Холоду напустил тут... – он снова взглянул на Лайлу, которая, едва скрипнул порог, спрятала безобразное запястье под ладонью. – Кстати... Надо бы дров со второго этажа спустить, чтоб ночью зубами не стучать.

– Помочь? – вампирша уловила предлог для уединённой беседы.

– Рохлю-то из меня не делай... – ассасин спрыгнул со стола и лениво побрёл к лестнице. – Но можешь посветить, коль спокойно не сидится...

Лайла встала – изображение мотало из стороны в сторону, словно ракушку во время прибоя. Стоило больших усилий дойти до ступенек, не упав, как последняя забулдыга. По ним, придерживаясь рукой за стену, она шла медленно, с

энтузиазмом восходившего на эшафот заключённого, только вместо палача наверху стоял Рэксволд.

Он дождался вампиру и, взяв под локоть, быстро повёл по тёмному коридору. В первую комнату, с густым колючим мраком, он втолкнул её, будто нашкодившую младшую сестру.

– Давно? – прозвучал строгий вопрос.

– Не знаю... – честно ответила Лайла. – Заметила полчаса назад...

– И долго молчать думала, м?

– Я надеялась, само пройдёт, если хотя бы день не применять магию. Поэтому сейчас я тебя даже не вижу. Кругом темнота... – нащупав бревенчатое полотно, вампира прислонилась к стене.

– Н-да. Лучше ничего не придумала? Хочешь скопытиться, как тогда, с колонной? Во второй раз может и не повезти. Ну что за парочка?! – в сердцах воскликнул ассасин. – Вы друг друга стоите: вечно помереть стремитесь... На чьей я тогда свадьбе гулять буду? Тебе нужна кровь. Эрми с Джоном и так уже натерпелись за эти месяцы, а остроухий явно будет против. Ты же по доброй воле хочешь? Мою возьми.

– Рэкс, я благодарна тебе за неожиданную заботу, но...

– Никаких «но»... – выразительно отпарировал голос, так близко, что ненароком качнувшись, можно было стукнуться лбами. – Без крови ты либо помрёшь, либо умом двинёшься. Знаем. Проходили. Даже не спорь.

– Нет... Мне претит эта зависимость... – чуть не плача, запротестовала вампирша. – Проклятье вампиризма не принимает звериную кровь... Лишь человеческую... Словно насмешка... Я... я не хочу быть... пиявкой.

– Лайла... – немного отстранился воин. – Мой язык бывает острее клинка... Но запомни раз и навсегда: вы с Джоном – мои друзья. И я не дам тебе погибнуть. Посмотри иначе. По миру теперь бродят существа? Отлично. Судя по твоим рассказам, вернулась и магия. Готов поспорить, ты найдёшь способ справиться с этой бедой. А пока... сделай несколько глотков и позволь мне завалиться спать без мысли, что завтра утром я найду твой окоченевший труп. Идёт?

Воцарилась напряжённая тишина, нарушаемая лишь двумя тихими дыханиями.

– Может, ты и прав... – развеяла недолгую паузу Лайла. – После злоключений в Эльтароне я на полтора месяца забыла вкус крови. Ежедневные магические тренировки давались тяжело, но я научилась держать тёмную сущность в узде. Без потери памяти, обмороков и уж тем более угрозы жизни. Мне всего и надо, избегать многочасового плетения чар... Тогда этих глотков хватит надолго... Возможно, они даже станут последними...

– Ну так. А я о чём? Сейчас в тёплые одёжки влезем, и всё будет как раньше. В общем. Нас скоро хватятся, – раздался шелест обнажённого клинка. – Хотя нет. Не люблю порезы на руках. Лучше по старинке... – кинжал вернулся в

ножны. – Грызани как положено. Прижжёшь потом. А я при случае смогу похвастать, что пережил нападение вампира, – Рэксволд отвернул выбивавшийся из-под нагрудника плотный воротник. – Я готов. Только пониже давай: пусть эта тайна покоится за тряпьем.

– Постараюсь...

Немного погодя, перед ассасином вспыхнули алые глаза с чёрными, словно перья ворона, зрачками. Правда, угасли они так же неожиданно, как и появились, – взгляд воина остался блуждать в кромешной темноте.

– Что не так? – не выдержал Рэксволд.

– Мне... – вампирша замялась. – Мне тебя жалко...

– Вот дурёха, – в голосе ассасина послышалась улыбка. – Нашла кого жалеть... Снова шлёпнуть тебя по заднице? Тогда, в Эльтароне, ты взбеленилась не на шутку.

– Боюсь, таким меня уже не проймёшь...

– Да что ты?.. – заговорщически протянул тот и нащупал бок девушки. – А так? – он рывком притянул её к себе.

Лайла ощутила на ягодицах и затылке ладони воина. Высокую грудь же потеснил кожаный доспех. Не успела вампирша опомниться, как в прохладные уста вжались тёплые губы, а в рот протиснулся горячий язык. Он скользнул по ровному ряду зубов тенью вора и с осторожностью присевшего у чужой двери домушника коснулся клыка. От такой неслыханной наглости девушка на миг оторопела. Потом протестующе замычала, замотала головой и наконец освободила рот от

дерзкого поцелуя:

– Рэксволд!!! Ты вообще...

Продолжить фразу не удалось: ассасин уткнул возмущённое лицо в голую шею, за что сразу поплатился: не медля ни секунды, Лайла вонзила в неё острые клыки.

– Так бы сразу... – игнорируя боль, он смиренно опустил руки: не стоило злить пробудившегося хищника.

Лайла же, наоборот, окольцевала воина мёртвой хваткой. Нежные и хрупкие ладони, сейчас вдавленные в мускулистые лопатки, ощущались копытами лошади, наступившей на спину упавшего всадника. Сама же вампирша представилась мраморной статуей: твёрдой, холодной и неподвижной. Дышать полной грудью в её тесных объятиях уже не удавалось – с каждым скупым вдохом спёртый воздух второго этажа всё больше походил на тягучий воск.

Во мгле ежесекундно звучали жадные глотки. Сложно было вообразить, что кто-то мог так самозабвенно лакомиться жертвой – в какой-то момент Рэксволду даже стало не по себе. Сперва он сослался на мимолётную тревогу, но потом понял, что это головокружение, не то от потери крови, не то от недостатка воздуха.

– Всё, хорош... – шепнул ассасин – ответной реакции не последовало. – Э, ты слышишь? – он попытался подвинуть вампиршу, но та, издав низкий звериный рык, только сильнее вцепилась в спину. – Лайла, ты убиваешь меня...

Собственное имя, прозвучавшее в столь пугающем кон-

тексте, возымело эффект: девушка вздрогнула и ослабила хватку – через мгновение две глубокие ранки зашипели, словно камышовые коты. Едва крохотные огоньки угасли, пред Рэксволдом возникли сиявшие рубинами глаза:

– Прости... Не знаю, что на меня нашло... – Лайла сделала шаг назад, и её взор растаял во тьме. – Я... тебе ничего не сломала?

– Нет, конечно, – усмехнулся ассасин, но смешок вышел фальшивым, как комплимент торговца в ювелирной лавке. – Видать, я очень вкусный...

– Ещё раз прости... – куда более виновато произнесла вампирша.

– Проехали... – воин провёл пальцами по пульсировавшей шее и поднял воротник. – Ну? Как рука?

Раздался шорох засученного рукава – опущенный взгляд Лайлы накалился, подобно железу, затем снова остыл.

– И следа не осталось. Я бесконечно благодарна тебе. Признаюсь, сперва твой поступок обескуражил меня, но сейчас понимаю: иначе могло не получиться. Хотя... язык всё же был лишним, – в голосе девушки мелькнула робкая улыбка.

– Просто решил удовлетворить любопытство. Раз уж до этого дошло. Меня ещё в Эльтароне мучил вопрос: мешаются ли клыки при поцелуе? При настоящем, естественно... Ну, ты поняла...

– И как? Удовлетворил?

– Ну, так... Отчасти...

– Мог бы спросить. Или попросить. Мы же друзья. Сам про это недавно говорил...

– Ага... Так бы ты и согласилась... Сказки-то не рассказывай...

Усмешку Рэксволда спугнуло нежное прикосновение прохладных губ, за ним в рот прокрался металлический привкус крови, а на затылок осторожно легла ладонь. Поцелуй длился секунд пятнадцать. Его первую половину воин попросту стоял истуканом и лишь потом осмелился проверить давние предположения: ничуть не мешают. После этого вампириша мягко отстранилась.

– Умеешь ты удивить... – пробормотал ассасин. – Только жалеть не начни, когда протрезвеешь...

– Не начну, – Лайла зажгла на ладони маленький огонёк, продемонстрировав ясный изумрудный взор. – Сейчас мой рассудок прозрачнее стекла. Я искренне хотела отблагодарить тебя и наглядно показать, насколько ценю нашу дружбу, – она кротко улыбнулась. – Но, чтобы не разрушить её, впредь в подобных вопросах ограничимся теорией.

Рэксволд приподнял подбородок девушки и аккуратным движением пальца стёр с её губ багровое пятнышко:

– Как скажешь... – опутив руку, он посмотрел на пыльные стены, которые в свете пламени казались невыносимо тесными. – Что-то в этой комнате уже слишком много секретов...

– Пусть они здесь и останутся.

– Тогда вниз, – ассасин направился к выходу.

– Рэкс...

– М? – оглянулся тот.

Лайла продолжала стоять с огоньком на ладони:

– Дрова...

– Точно.

* * *

Спустя полчаса Бамбук хрустел хвоей, мерно потрескивала накормленная печь, а избежавшие смерти на морозе странники крепко спали. Все, кроме одного – пленника. Не очень-то отдыхалось в компании мертвеца. Догорающий факел бросал на стены болезненную желтизну, и даже висевший на гвозде открытый бурдюк, который можно было легко пригубить без помощи рук, походил на издёвку.

Сидя напротив трупа, лежавшего с глубокой раной на боку, остроухий перетирал кожаные путы об угол пустого комода, старательно и без остановки, так, что стянутые за спиной запястья обросли мозолями. План виделся простым: освободить руки, развязать ноги, а уже потом думать о побеге. Пусть вытянутые зубами ящики комода не принесли ничего путного, возможно, у покойника найдётся что-нибудь полезное. Если, конечно, воин в чёрном не вывернул его карманы прежде, чем забросить в комнату, подобно мешку дерьма, – от удара об пол мертвец выплюнул россыпь зубов, которые теперь светлели в луже крови игральными костями.

Чего бы от него ни хотели незнакомцы, такие же бледные, как убитый, верить им – последнее дело. Нужно любой ценой вернуть наруч, тогда каждый из них заплатит сполна. И за позорный плен, и за ссадину на подбородке, и за ноющие ушибы...

Затем можно будет задаться главными вопросами: куда он попал и каковы размеры странного подземелья, раз каменный свод с чем-то ярким не разобрать из-за плотной дымки?.. Однако для начала неплохо бы вспомнить собственное имя. Ведь с момента пробуждения на мерзком, покрытом серой плесенью создании, мысли скользкие, будто пещерные слизи...

Думы, сопровождаемые шуршанием сыромятины о тумбу, прервал тихий деревянный стук – пленник покосился на мертвеца, смотревшего мутным взором на косой потолок. Обычная судорога. Мёртвое тело прощается с последними сгустками жизни. Таким никого не удивишь...

Стук повторился, притом намного громче. Темнокожий насторожился, плутая взглядом по малочисленной мебели. Лишь на третий раз он заметил вздрогнувший под столом сундук, огромный и старый, укрытый тенью, как столица Кальвантийского Грота. В нём явно кто-то был...

Какая бы тварь ни сидела внутри, ржавые петли долго не выдержат – остроухий принялся быстрее перетирать путы. Запястья горели, словно обожжённые кислотными грибами, но кожаный ремень никак не поддавался.

С четвёртым ударом сундук перевернулся, а с ещё одним ветхая крышка отлетела на середину комнаты...

* * *

Рэксволд проснулся от какого-то шума, вслед за которым с потолка осыпалась пыль. Не хотелось отлипнуть от тёплого бока Эрминии, но, похоже, пленник что-то учудил.

– Лучше бы ты повесился... – со вздохом прошептал ассасин.

Он поднялся с расстеленного у очага тряпья и направился к лестнице. Спросонья запнулся о первую же ступеньку, отчего на втором этаже оказался ещё более злым, с выдернутым из держателя факелом и не менее ярким желанием пустить ушастому кровь.

От света пламени коридорная мгла расплзлась по щелям, как насекомые из-под приподнятого камня. Третья по счёту дверь была по-прежнему закрыта на подпорку – уже хорошо. Осталось заглянуть в комнату. Если сейчас оттуда выскочит черномазая белобрысина, видят боги, его глаза смогут посмотреть друг на друга. Рэксволд вынул упёртую в ручку тугую доску и, приоткрыв дверь остриём кинжала, осторожно посмотрел в щель: возле убитого варвара неподвижно лежал пленник. Связанный. Однако на тёмных путях различались белёсые потёртости – не исключено, что теперь они накинута на запястья лишь для вида.

– Ну да... – ассасин вошёл в комнату, остановившись сра-

зу за порогом. – Ничего умнее не придумал? А давай я тебе кинжал в бедро всажу? – клинок в ладони перевернулся для меткого броска. – Даже подходить не ста... – боль в темечке оборвала фразу, и взор Рэксволда поглотила тьма.

Вместе с упавшим воином на пол приземлились босые ноги...

* * *

За окном бродила глубокая ночь, когда Эрминия пробудилась от шороха за спиной и сонным голосом прошептала: – Что там было? Хоть не прирезал его?..

Вместо ответа в затылок врезалось нечто тяжёлое – распахнутые глаза, задвоившаяся печь, слабость. Воительница разобрала два глухих удара на соседнем лежаке, попыталась дотянуться до топора, но в голову снова что-то влетело...

Глава 4

«Всё в мире тесно связано. Порой нити видны невооружённым глазом, а иногда настолько тонки, что паутинка самого крошечного паучка рядом с ними кажется корабельным канатом», – говорил своим последователям Монси Виррей.

В древней библиотеке царили мрак и гробовая тишина. Тысячи пыльных фолиантов роняли немые взгляды на резной стол с почти потухшей свечой. За ним, поглаживая рогатую голову красного мефита, сидел старец. Расположившееся на коленях создание ластилось под морщинистой ла-

донью, словно кошка, старалось поймать каждое прикосновение, не упустить ни секунды подаренного внимания: оно чувствовало пасмурное настроение хозяина. В конце концов дряхлая рука замедлилась и переместилась на стол.

– Вот и всё, мой друг. Пора прощаться...

Магическое существо протестующе заурчало, но под строгим взглядом старца моментально сникло и отвернулось.

– На твои маленькие крылья пала великая ответственность, – другая рука, лишённая трёх фаланг, повесила на шею нефита цепочку с серебряной гексаграммой, треугольники которой заполнял обсидиан. – Мудрость сотен поколений, ключ от всего мира. Если его захватят злые длани, всё будет кончено. Найди её, Скарги, разыщи во что бы то ни стало. Лети. И пусть твой путь озаряет Свет...

Подняв тёмные глаза на хозяина, создание тоскливо качнуло головой, а затем вспорхнуло и исчезло во вспышке огня.

– Она позаботится о тебе... – глядя на догорающий огарок, прошептал старец. – А я сделаю что должно, дабы у вас было больше времени...

* * *

«Всё возвращается к истокам. Не пройдёт и века, как на морщинистом лице вновь расцветёт озорная улыбка, а в усталых глазах проглянет детское непонимание. Может, в этом и секрет счастья? Постоянно удивляться окружающему

миру. Всегда оставаться ребёнком. Сперва маленьким, затем сильным и в конце концов седым. Пронести детство через всю жизнь, не расплескав его в зрелых годах...» – пытался отыскать правду Монси Виррей. Но философ не мог и предположить, что когда-нибудь разом начнёт удивляться целое человечество, и эмоции людей будут далеки от счастья...

За глубокими ардонэзийскими топиями, в липовом лесу, высилась старинная крепость. Её стены щекотала розовая мальва, полуразрушенные башни зеленели от плюща, а распахнутые ворота давно увязли в земле. С каждым годом серый камень всё больше вытеснялся природой – даже сквозь мостовую внутреннего двора, плотную, будто толпа при выступлении короля, пучками пробивалась трава. Однако попасть в донжон не представлялось возможным: все окна, как и входы, были намертво замурованы. Сколько редкие, забредавшие сюда путники ни пытались выбить кладку, бросали гиблую затею и уходили прочь. Так и прижилась среди народа легенда о затерянной среди чащоб крепости, под завязку забитой несметными сокровищами.

Только теперь, когда из лесов на оживлённые дороги выбирались доселе невиданные создания, пугающие, а то и рвущие странников на части, до неё уже никому не было дела. Никому, кроме Хризальтеры, появившейся из теневого пятна перед потресканной аркой главных ворот. Демонесса окинула скептическим взглядом залитые полуденным солнцем руины. Затем неспешно вошла внутрь и зацокала копытами

по внутреннему двору.

– О, да меня тут давно поджидают! – радостно воскликнула она. – Слышу биение храбрых сердец... Мальчики, не прячьтесь! Сегодня я в настроении осчастливить каждого! – Хризальтера остановилась, посмотрела по сторонам, но увидела лишь серые стены и груды камней. – Что?.. Нет желающих? Никто не хочет заглянуть под изящный хвостик? Ощутить бархат прелестных крыльев?.. Понимаю... Вас смущают мои ноги и острые рога... Обещаю не бодаться и не лягаться! Нет?.. А ещё считаете себя мужчинами... Что ж, ладно... – демонесса приняла человеческое обличье, потом снова заозиралась: – Может быть, так? Не волнуйтесь, меня хватит на всех. Дам вам минутку на размышления...

Девушка улеглась на мостовую и, соблазнительно выпятив бёдра, начала перебирать пальцами лазурную россыпь незабудок. Она не обращала внимания на происходящее вокруг. Даже когда на стенах, словно по команде, задребезжали луки и отовсюду раздался нарастающий свист, Хризальтера спокойно ласкала цветки.

В женское тело, едва схваченное кожаными ремешками, вошло тринадцать стрел – незабудки окропила алая роса.

* * *

К окровавленной девушке, похожей на подушечку для иголок, приблизился воин в серебристых доспехах, сплошь

разрисованных странными символами. Положив клеймор на плечо, он осторожно обошёл убитую по кругу.

– Мертва? – крикнул кто-то со стены.

– Ты ещё сомневаешься? – громко отозвался Вильям. – Симпатичная, кстати! – он смотрел в неподвижное лицо, чудом не задетое стрелами. – Жаль, шибанутая на всю голову...

– Эх, надо было воспользоваться предложением! – донеслось сверху, и по крепости прокатилось дружное ржание.

– А рассказней-то было, помните? Не щадить, не подходить... – напустил на себя притворную серьёзность рыжебородый лучник, после чего с улыбкой махнул рукой. – Хотя за короб золота не жалко и броню размалевать, и той дряни глотнуть. Она правда была козлоногой и с крыльями летучей мыши или старый нас чем-то опоил?

– Шут его знает... Ральт вчера рогатую лошадь видел, если не брешет. Да и слухи о чудищах ползут с каждой дыры. Но мне всё равно кого убивать. Королевского легионера, сельского босняка иль тварь неведомую. Главное, чтоб платили хорошо. Тогда я и вопросов лишних не задаю, – Вильям перевернул девушку на спину и, поставив ноги по обеим сторонам талии, вознёс клеймор к небу. – Нужна старику разрубленная башка, значит будет.

– Весьма аморально, – вдруг сказала Хризальтера, и воин оцепенел от ужаса. – Вероятно, поэтому на вас решили проверить защитные руны. Только они не работают... – на её губах проступила коварная ухмылка.

Вмиг обернувшись копытом, ступня девушки врезалась в бронированный пах – отлетев на несколько метров, Вильям грохнулся на мостовую с раздробленным тазом и кровавыми ошмётками вместо мужского достоинства.

– Успехом у женщин ты больше пользоваться не будешь. Впрочем, даже облегчиться станет проблемой... – демонесса поднялась и окинула взглядом перепуганный сброд. – А для вас у меня особый сюрприз...

Через мгновение крепость заполонили душераздирающие вопли: наёмники стали лопаться, будто фурункулы, только вместо гноя сквозь распёртые рёбрами доспехи выплёскивались внутренности. С бульканьем пузырились лёгкие, со шлепками падали сердца, красными змеями по стене и ступеням сползали кишки. Затем тела и вовсе взорвались – по руинам зазвенели кольчужные кольца с осколками нагрудников. Едва они умолкли, вокруг наступила кладбищенская тишина.

– Тьма – лишь средоточие теней. Она таится в каждом с самого рождения. Ждёт своего часа, как плотный бутон. Но стоит начать расплетать её на составляющие, отогнуть сумрачные лепестки, и вот уже плоть трещит по швам, – демонесса с томным вздохом облизнула губы. – Сладкие возгласы боли и отчаяния... Готова слушать вас веками.

На мостовую упал пучок выдернутых стрел – о ранениях на стройном теле теперь напоминали только местами подранные ремни.

Хризальтера посмотрела на Вильяма: тот, перебирая дрожащими пальцами брусчатку, полз в сторону арки, оставляя за собой смазанный багровый след.

– Хочешь бросить девушку в одиночестве?

Нарастающее хлопанье крыльев – на поясницу воина приземлились копыта, и он истошно заорал.

– Я могу прекратить твои страдания, – усаживаясь ему на ягодицы, вкрадчиво заговорила демонесса. – Но сперва поведай мне: кто послал вас на откровенное закляние? Иначе... – она нарочно поёрзала, наслаждаясь надрывными криками.

– Старик!!! Это был старик!!! – загорлопанил Вильям.

– М-м-м, хочу знать больше... – Хризальтера вновь заёрзала. – Чувствуешь, как осколки костей впиваются в мясо?

– Бородатый старик в мантии!!! Он вчера прислал к нам почтового голубя! Мы все собрались и... и... – уронив голову на мостовую, воин раздул дыханием пыль.

– И-и-и? – очередное ёрзанье отозвалось тишиной. – Ну вот. Разжёл в девушке интерес и испустил дух. Безобразное поведение. По-видимому, придётся выяснять всё самой.

Плавное движение когтистой руки – душа погибшего перекочевала в демоническое нутро.

Хризальтера встала и проследовала к замурованному входу в донжон:

– Ах, как же мне быть дальше? – наигранно застенала она, а потом лиловые глаза сковал лукавый прищур. – Это так просто, что даже смешно...

Вынырнувшие из тёмных уголков крепости теневые щупальца принялись разбирать неприступную кладку: легко и непринуждённо, как если бы сильные пальцы ломали гнилую древесину. Кирпичи, а иногда и целые фрагменты стены с грохотом разлетались по сторонам, всё больше обнажая чугунные ворота. Однако, когда на металле уже была наполовину видна крупная выгравированная гексаграмма, позади вдруг раздался хриплый голос:

– Тебе не открыть их...

– Похоже на вызов... – Хризальтера развернулась, и магические щупальца вновь расползлись по мрачным углам, куда не дотягивался свет дня. – Никак, меня удостоил чести сам хозяин... – она глядела на старца в пепельной мантии, что без опасений стоял неподалёку, спрятав сложенные на животе руки в широких рукавах. – Благодарю за гостеприимство. Горячий приём мне по нраву.

– Что бы ты ни желала найти за воротами, в обитель не войти без ключа. Печать Незыблемости не сломить даже тебе.

– Я предпочту убедиться... – демонесса взмахнула крыльями, и теневая волна разметала остатки стены, только на тёмном металле не осталось ни царапины. – Что ж... Допустим... – она вернула взор к строгому, изборождённому морщинами лицу. – И, ведая о бесполезности своих защитных чар, ты пришёл сообщить мне об этом лично? Я не люблю скверные новости, но ты не похож на самоубийцу... – Хри-

зальтера приблизилась к магу и хитро улыбнулась. – По-видимому, назревает любопытная сделка... Чего ты желаешь? Власти? Снова обрести молодость? Какова бы ни была цена ключа, мой Владыка щедро вознаградит тебя...

– Я дожил до преклонных лет и вымолил у смерти ещё три века не для того, чтобы якшаться с демоницей... – ответ вышел сухим, как пустынный песок. – И, да будет тебе известно, защитные руны в этом мире выглядят иначе...

Игривый настрой Хризальтеры угас, словно опущенный в воду факел.

– Что ты сделал?.. – насторожилась она.

– Выполнил свой долг.

Пытаясь раскусить подвох, демонесса всматривалась в лицо старца, но там зрело лишь ледяное спокойствие.

– Не играй со мной, смертный... – она забила хвостом на манер недовольной кошки. – Я могу разорвать тебя на тысячу клочков...

Подобно выглянувшему из-за туч солнцу, сквозь невозмутимость собеседника проступила ясная улыбка, подвинувшая щёки дугами морщин:

– Разве?

Хризальтера почувствовала внезапное недомогание: какая-то из поглощённых душ разлагалась гниющим на жаре трупом, отравляя магическим смрадом другие, – неизвестная зараза вполне могла перекинуться и на inferнальную сущность.

– Подлог... – с изумлением прошептала демонесса. – Ты подсунил мне порченную душу! – вонзив в себя когти, она с трудом вытянула из груди сияющий ком и отбросила в сторону, где тот рассыпался множеством солнечных бликов.

Старец резко расцепил руки и воткнул в бока девушки два обсидиановых кола, по всей длине покрытых пылающими символами. Затем он растворился в огне и появился в центре двора.

Не в силах выдержать колья, что с шипением вросли в тело, Хризальтера упала на колени:

– Ты только что сделал бессмысленной мучительную гибель двадцати трёх существ, двадцать из которых – люди...

– Ошибаешься. Я даровал им свободу. Они больше не будут участвовать в твоих злодеяниях.

– Глупец... – демонесса наблюдала, как маг возводит из воздуха ряд огненных баллист. – Даже сейчас моё присутствие в мире пробуждает в людях странные желания. Когда я обрету силу, бранные умы захлестнут похоть и безумие. Тебе не остановить меня...

– Возможно... Но я, Дельвинус эн`Сандро, торжественно клянусь: пока моё сердце бьётся, тебе не сбежать из этих стен и уж тем более не съохотить новые души, – старец взмахнул рукой, и к Хризальтере устремился десяток пламенных стрел.

В Грондэнарке воины часто говорят: «продрал глаза – считай, везунчик». Заснуть вечным сном из-за мороза или разможжённой молотом головы может каждый. Только бывалый варвар всегда помнит: пробуждение не гарантирует долгой жизни...

Сознание Эрминии прояснилось, выплыло судёнышком над волной тупой боли. Северянка приоткрыла глаза. Правое веко, видимо, залипшее от крови, поднялось с опозданием. Однако взор по-прежнему пленяла чернота. Судя по сырой духоте, на голову был накинут мешок. Осторожная попытка пошевелиться – на руках и ногах сразу же обозначились тугие верёвки, а меж лопатками – тонкий столб: скорее всего, ножка стола. Кто бы ни пробрался в запертый дом, устраивать расправу не спешил. Крайне плохой знак для Грондэнарка, где пытать могли и ради забавы...

Эрминия поводила взором по темноте – справа, звездой на ночном небе, светлела крохотная дырочка. Подтянув грубую ткань губами, северянка смогла увидеть закованного в колодки Джона и связанную Лайлу. Головы обоих покрывало какое-то тряпье.

Слева заскрипела лестница, и в тусклом свете факелов проплыл незнакомый силуэт.

– Твоя очередь, здоровяк... – обжёг слух колючий грондэнаркский язык.

Женская фигура в меховой броне приблизилась к следопыту.

– Он тебя не поймёт... – ответила Эрминия на языке ледяного королевства.

Незнакомка задумчиво хмыкнула и направилась прямо к ней.

– Ты, стало быть, поймёшь? – сорвала она мешок с пленницы.

Жадно глотнув свежего воздуха, Эрминия подняла взгляд на темноволосую воительницу с двумя бордовыми ссадинами на лбу, припухшими губами и синяком на щеке.

– Вы, жалкая кучка пришлых, живы лишь потому, что у меня есть вопросы, – холодно сказала та. – Но начнёшь болтать не по делу – сразу прирежу. Ясно?

– Ага...

– Тогда для начала ответь: откуда такая, как ты, – пренебрежительный кивок на золотую косу, – знает язык севера?

– Я родилась здесь и провела в этих краях большую часть жизни.

– Вот как?... – недоверчивость воительницы стала осязаемой, словно дым погребального костра. – И кто же я, потвоему? – она вынула из-за пояса знакомый тесак. – Ошибка будет стоить тебе жизни...

– Женщины-воины – большая редкость... Как и собранные в хвост волосы с тремя косичками вдоль левого виска... Ты из клана «Сов».

– Хм... Ладно... Тогда держи второй вопрос. Я видела, что творится в поселении. Кто перебил это стадо двуногих

кабанов?

– Они были мертвы до нас. Мы убили только одного. Он гниёт на втором этаже.

– Я надеялась сама выпотрошить эту вонючую падаль... Кто именно его убил?

– Я, – Эрминия не сводила глаз с воительницы. – И ты последуешь за ним, если я узнаю, что кто-нибудь из моих спутников мёртв.

– Убьёшь меня, будучи привязанной к столу? – впервые на губах той появилось что-то похожее на ухмылку.

– Нет. Я, Эрминия Белая Тигрица, вызываю тебя на поединок, где по праву пленницы у меня будут развязаны ноги и одна рука. «Совы» же ещё чтят традиции? Или тоже оскотинились?

Темноволосая сначала опешила, а потом насупилась, и впрямь став похожей на хмурую сову, переживавшую метель на ветке сосны:

– Твой вызов услышан. И я, Кайлор Несразимая, с охотой принимаю его, – убрав тесак, она присела сбоку и принялась мучить пальцами путы на запястьях пленницы.

Неожиданно помещение погрузилось во тьму, будто все факелы накрыло бураном, но вокруг не было намёка даже на сквозняк.

– Что ещё за?... – судя по шороху, «сова» встала.

– Не встречай, – по-эльтаронски произнесла Эрминия. Она поняла, что вампирша пережгла верёвки, освободилась

и теперь намеревалась обезвредить вражину на своих условиях. – Верни как было и сама вернись. Тут дело чести.

– С кем ты разговариваешь? – с раздражением бросила Кайлор. – Ответила. Быстро!

– Я вообще-то молчала... – как ни в чём не бывало сказала Эрминия.

На факелах снова заплясал огонь, и темноволосая сразу же пробежала взглядом по остальным пленникам: все на своих местах – ничего подозрительного.

– Какого ляда это было?.. – мазанув взором факелы, она коснулась ссадин на лбу.

– Тебе башку отшибли, что ль? Развязывать меня собираешься или двинутой решила прикинуться?

– В трусости обвиняешь, Тигрица? – Кайлор опустилась на колено и, выхватив тесак, ловко перерезала все путы. – Да дерись хоть обеими руками. Один пёс, будешь подыхать немой... с дерзким языком во вспоротом брюхе.

* * *

Лайла вздрогнула от звона металла, а Джон зашевелил головой. Они не могли видеть боя – лишь слышать, как свистят острые лезвия, как с пугающим лязгом сходится сталь и как стремительный шелест разрывает тесные объятия скрещённого оружия.

– Неплохо... – поигрывая топором, Кайлор смотрела на соперницу: та, убрав левую руку за спину, стояла с мечом в

правой. – Принципиальная и умеешь драться. Только худая ширина твоего клинка говорит о том, что он родом из чужеземья...

– Трепаться будешь или атаковать? – холодно спросила Эрминия.

Гневно зарывав, та приняла ещё одну попытку пленить вражеское оружие топором, дабы располовинить его одним сильным рывком, а потом, точным взмахом, – и подбородок златовласой. Но меч снова не дал себя сломать: выскользнул из захвата и едва не ужалил бок. Увернувшись от колющего выпада, Кайлор ответила рубящей атакой – соперница отпрыгнула на метр назад.

– Я с тобой возиться до утра не собираюсь... – в свободной руке «совы» блеснул тесак.

Эрминия же молча проследовала к столу и, поддев лежащие на нём ножны остриём, облачила в них клинок. Затем она повернулась, выставив перед собой оружие, ныне совсем неопасное.

– И что это? – с недоумением усмехнулась Кайлор. – Думаешь, так он не треснет? Треснет, ещё как, разлетится, как моча на ветру. Дохлые мужланы снаружи не дадут соврать. Не веришь? Скоро спросишь у них лично! – крепко сжимая топор с тесаком, она рванула к сопернице.

Эрминия невозмутимо наблюдала за приближением сияющих лезвий, что были рады утолить жажду чужой кровью, измазаться в ней по самые рукояти. Однако, за секунду до

гибели она вдруг крутанулась, уподобилась детской игрушке, – волчку, за одним лишь исключением: каждый оборот нёс разрушения.

С первым – слетевшие ножны устремились Кайлор в лицо, со вторым – сверкнувший меч перерубил топориче, а с третьим – высоко взмывший сапог настиг темноволосую голову.

«Сова» рухнула так же глухо, как упавший на пол обрубок топора. Зато звонко брякнул отпнутый к стене тесак. Искры в глазах и шум в ушах не давали Кайлор осознать случившееся – она стоически сжимала древко, ещё недавно бывшее верным оружием. Правда, холодное остриё под горлом отрезвило поверженную лучше ведра ледяной воды.

– Кто... Кто ты такая? – Кайлор пыталась сосредоточить взгляд на размытом силуэте победительницы.

– За «золотую масть» меня с рождения причисляли к выродам, – сухо ответила Эрминия. – Но я всегда была из тех, кто мог дать сдачи, не жалея ни себя, ни врага. На севере меня прозвали Тигрицей в честь свирепого зверя, которого представляли только по зарисовкам чужаков и полосатым шкурам. А вот «белой»... «белой» нарекли позже. И не из-за долгой жизни в снегах – за сходство с белым, смертоносным солнцем пустыни... Потому спрошу лишь раз: сколько у меня поводов продырявить тебе глотку?

– На втором этаже три трупа. Ну, давай... прикончи меня! – рявкнула Кайлор.

– Лайла, освободи Джона, – спокойно сказала Эрминия,

удерживая клинок под злобным лицом с новым красневшим на щеке пятном. — А мы прошвырнёмся наверх.

— Надеюсь, оно того стоило... — скинув с головы тряпье, насупленная вампирша поспешила к колодкам. — Джон, как ты?

— Да вот... слушаю, что происходит, только разобрать ничего не могу... — отозвался следопыт.

— Подожди, сейчас я тебя вызволю.

— Так она всё это время... — пробормотала темноволосая и замолчала, не в силах понять, как пленница выпуталась из хитроумных узлов.

Подняв Кайлор за шиворот и приставив ей к горлу меч, Эрминия направилась к ступеням.

— Можешь не тратить ноги, — неохотно процедила та. — Живы твои спутники... А теперь убей меня. Я не вернусь в колодки.

— Солгала... Ожидаемо. Но зачем? И впрямь рассчитывала на быструю смерть? — голос Эрминии стал низким, будто гудевший за окном ветер: — Если бы ты знала, на что я способна в гневе, у тебя бы язык не повернулся ляпнуть подобное...

Кайлор ощутила удар в подбородок, и лестница перед её глазами померкла.

* * *

Пасмурные, словно осенняя погода, странники собрались

за одним столом. Прямо по центру, где сражались длинными тенями два последних факела, лежало увесистое полено со следами крови.

– Как мы её не заметили?.. Надо ж было так налажать... – глядя на него, проворчал Рэксволд. – Башка трещит, будто неделю из таверны не вылезал... – он покосился на колодки, в которых теперь томилась темноволосая бестия.

– Не у тебя одного... – Джон прикладывал ком снега к шишке на затылке. – А я ещё выпасться надеялся...

– Не належался, что ль? – ассасин пронзил того пристальным взором. – Это мы с Эрми без передыха по лесам шарились, пока ты в могиле валялся. С тех пор всё как-то не до сна.

– Предлагаю не раздувать конфликт, – сдержанно промолвила Лайла. – Спите. Набирайтесь сил, – она посмотрела на темнокожего, сидевшего в углу и снова стеснённого путами. – Я прослежу за пленниками.

– Пленниками... – задумчиво повторил Рэксволд. – То есть их уже много? Хотя... чего бы нам не собирать весь разномастный сброд? Отличная идея. Только давайте сразу определимся, а? Мы коллекционеры или рабовладельцы?

– Рэкси...

– Нет, Эрми, этой гадине нужно было не ранение прижигать, а второе на горло добавить. Мало того, что всем головы поленом подрихтовала, так ещё додумалась примотать меня к белобрисому утырку. Я за такое готов её прям тут кон-

чить, – выпалил ассасин и со злостью вонзил кинжал в стол.

– Утром бросим их здесь, – наконец смогла вставить фразу Эрминия. – Обоих. И двинемся дальше.

– Ну хоть у кого-то мозг присутствует... – взгляд Рэксволда заметался между Лайлой и Джоном. – А вы что скажете? Дерзайте, не стесняйтесь... – пропитанные едким сарказмом слова могли дать фору любой известной кислоте.

– Сказал бы я, что утро вечера мудренее, но это ничего не изменит: обуза переросла в угрозу, – следопыт отнял от головы подтаявший ком, увенчанный узором из алых пятнышек. – Возражать не стану.

– К сожалению, вынуждена согласиться, – лаконично ответила вампирша.

– Вот так сразу? – ассасин поочерёдно смотрел на спутников. – Ни упереться рогом, ни засыпать упрёками? Да вас, погляжу, вообще бить по котелку полезно: соображалку подстёгивает, – он изобразил слабое подобие улыбки. – На том и порешим. Я спать.

– Справишься одна? – серо-голубой взор застыл на Лайле.

– Не сомневайся, – без раздумий ответила та.

– Я это... – Джон вытер сырую руку о штаны. – Могу посидеть с тобой часок-другой, куда глаза не слипнутся.

– Исключено, – замотала головой вампирша. – Не оглядывайтесь на моё мимолётное недомогание: я уже в полном порядке. Увидимся утром, – она строго посмотрела на пленников. – Ваш сон под надёжной защитой...

* * *

Вскоре, когда уставшие светить факелы обратились в обугленные палки, единственным источником света, тускло-го, как надежда умирающего, была лишь печь. Она красила спящих возле неё странников в оранжевые тона и изредка напоминала о себе потрескиванием осыпавшихся дров.

Лайла же расположилась за дальним столом: одинокая, облачённая в темноту и тяжкие думы. Мясное пиво помогло забыться, но теперь они вернулись, – вампирша размышляла, насколько непредсказуема судьба. Впереди, на островке света, сопели те, за кого она готова сложить голову. И в то же время те, кого полтора месяца назад она даже не знала. Что за этим стояло? Любовь? Дружба? Страх остаться одной в чужом мире? А может, безумие? Каждый ответ казался правдивым...

Вновь обозначив взглядом серые контуры пленников, Лайла отвела погасшие глаза к очагу. Мысли обгоняли друг друга, словно стрекозы над искрящейся рекой, только на душе они ощущались неподъёмными валунами.

В сознании всплыл лик русого юнца... Интересно, удалось ли Алану открыть свою мастерскую? А если и удалось, не пал ли он уже жертвой какой-нибудь твари, возродившейся прямо посреди города?

– Твари... – облечённое в шёпот слово, неосторожное, проскочившее на эмоциях, загорчило на языке ветвью полы-

ни. — А кто тогда я?..

Идеалы, возведённые под роскошными сводами много веков назад, осыпались, подобно руинам некогда родового имения. Над ними же, бросая тень на глыбы морали, развевалось бессмертное знамя эгоизма.

И Лайла ещё смела упрекать отца в жёсткости и фанатичном стремлении уберечь дочь от козней врагов, коих у первого правителя Эльтарона было немало, когда сама с лёгкостью бросавшего кости игрока швырнула человечество на плаху. Чудовищный, циничный поступок. Когда-нибудь за него придёт расплата. Даже сегодня она могла лишиться того, чью жизнь поставила выше тысяч других. И тогда сделанный выбор станет бессмысленным, как и жалкое существование под испепеляющими взглядами презрения, что будут окружать израненную душу подобно своре гончих, — сожаление вытекло из груди тихим вздохом.

* * *

Так уж завелось, что издавна ледяное королевство делили между собой одиннадцать воинственных кланов. Часть из них носила имена своих лидеров — «Гальдгорен», «Валос», «Йоргерберд». Другим приходилось по нраву воспевать оружие — «Смеющийся топор», «Молот Войны», «Плеть». Некоторые же вдохновлялись животными — «Стая», «Совы», «Хранители берлоги». А такие, как «Стальной хребет» и «Неприкасаемые», находили смысл в вызывающем сим-

волизме. Но сколько бы ни разнилась идеология кланов, всех их объединяло стойкое желание истреблять врагов и неустанно мстить за потери в своих рядах, обращая белоснежные равнины в багровые поля, а чужие поселения – в чёрные пепелища.

Разгромленный караван не остался незамеченным. Прямо сейчас, взяв курс на Ух-Нод, по ночному лесу неслись боевые упряжки...

Глава 5

– Прошу, не надо... – взмолилась рухнувшая навзничь Хризальтера. – Я слишком молода, чтобы умирать. Мне всего девятнадцать тысяч лет. И я так много ещё не успела...

– ...

– Молчишь? О, как же ты суров ... – теряя взгляд в закатном багрянце облаков, демонесса протянула к небу когтистые руки. – Там, наверху... настоящий пожар. В месте, откуда я родом, нет ни солнца, ни луны... Лишь сияние душ... Но я видела миры, у которых было сразу по три светила. Хочешь, я покажу их тебе? Вернее, то, что от них осталось... – лилово-сиреневые глаза, похожие на два аметиста, стиснул насмешливый прищур. – Я бываю такой неосторожной...

– ...

– Всё то же злое молчание... Мне становится не по себе. Скажи уже хоть что-нибудь, – отвернув лицо от небес, Хризальтера посмотрела на лежавшую в луже крови седую

голову с торчавшими из глазниц обсидиановыми кольями. – Ах, как я могла забыть: ты не можешь. Жаль. Впрочем, не особо. Ты был плохим собеседником, скучным, как душа праведника. Хотя разжечь во мне интерес тебе всё же удалось... – оттолкнувшись крыльями от мостовой, демонесса вновь оказалась на ногах. – Владыка считает, что сокрытое за этими воротами вернёт мне первозданную мощь. Я заинтригована...

Внезапно Хризальтера закружилась в грациозном танце на одном копыте, одновременно напевая нечто похожее на детскую считалочку:

«Стены в рунах – тень не пустят,

На вратах висит печать,

Но всяк замок имеет устье,

Секрет незримый – для ключа.

Его найти не сложно будет,

Ведь люди Древним не чета.

С меня терпенья не убудет,

На ключ охота начата!»

Демонесса залилась звонким смехом, а затем, раскинув руки, упала на мостовую, провалившись в собственную тень, словно в бездонную пропасть, – радостное эхо облетело залитую кровью крепость и затихло где-то у потресканной арки, на которой болталось подвешенное за ногу обезглавленное тело...

Над заснеженным лесом алой полосой забрезжил рассвет, скатился по холмам и ударил в запертые ставни бревенчатых домов. Джон проснулся от тонкого, как игла, розового луча, что, продравшись сквозь щель и толстенное стекло, впился в правое веко. Однако такое пробуждение было на порядок приятнее, чем неожиданное знакомство с поленом. О нём следопыт вспомнил сразу, как повернул голову: даже на ком тряпья, мягкий, будто свежеевыпеченный хлеб, шишка отозвалась тягучей болью.

Джон лениво перевернулся на бок, разлепил глаза и едва не вздрогнул, столкнувшись нос к носу с Лайлой. Лёжа напротив с подложенной под голову рукой, она молча смотрела на следопыта.

– Ты чего? – ляпнул он первое, что пришло в потревоженный разум, стремительно перебиравший ватные мысли.

– Охраняю твой покой... – на лице вампириши мерцали тусклые отсветы печи.

– А. Ну да... – Джон расслабился. – Не проснулся ещё... – шлёпнув себя ладонью по лбу, он прошелестел пальцами до подбородка, смахнув остатки липкого сна.

– Выспался?

– Стыдно признаться, но... да. А ты за всю ночь и глаз не сомкнула, – виновато констатировал следопыт, после чего ласково коснулся плеча девушки. – Всё. Бери подушку и отдыхай, – он приподнялся на локте. – Моя очередь стеречь

твой сон.

– Я не устала.

– Как так? – вскинул бровь Джон.

– Если только самую малость... – воздев взгляд к его настороженному лицу, скромно ответила Лайла. – Но это не стоит того, чтобы пропускать завтрак. Хотя и не особо голодна...

– Не здоровится? Может, болит что? – всматривался в сумрачный лик воин.

– Тело здорово. А вот душа... болит, – вампирша тихо вздохнула. – Вчерашние печали нагнали праздный разум. Речи, как и хмель, могут ненадолго принести успокоение. Но я предпочту не сбегать от заслуженной кары.

– Всё будет хорошо... – прошептал следопыт и погладил Лайлу по волосам. – Насколько это возможно... – перебирая пальцами волнистые пряди, почти чёрные от царящей вокруг темноты, он и сам тихонько вздохнул.

– Ну харэ уже... – вдруг раздался недовольный голос Рэксволда. – Бубнят, вздыхают. Дайте поспать, наконец.

– Вообще-то утро наступило, – спокойно заметил Джон.

– Чего? – не поверил ассасин, но на всякий случай приподнял голову. – Бредишь, что ли?

Следопыт поводил ладонью по воздуху, пока не поймал в неё солнечный блик.

– Ну здорово... – заворчал Рэксволд. – Ещё я позже вас не просыпался...

– Всё бывает в первый раз. Как-никак моложе не становишься, – без задней мысли сказал Джон.

– Ты за метлой-то следи. Не то обратно прикопаю. Если бы эта падла мне по котелку не зарядила, я бы уже тренировался. Редко какую зарю кинжалы в руки не беру. Нашёл тут старика...

– Кончайте спорить, – во мгле очертился привставший силуэт Эрминии. – Займите рты жратвой, пока будете собираться, – она потянулась к печи, нащупала лежавший на ней факел и, открыв решётчатую заслонку, сунула его в раскалённые угли. – Рассиживаться некогда: к вечеру надо добраться до Снегозерья. Задержимся, и придётся ночевать у Медвежьей Отножины. Надо объяснять, почему я не хочу там останавливаться?

– А в Снегозерьи что? – поинтересовался ассасин.

– Ещё одно поселение, – Эрминия вынула из печи подожжённый факел, и свет озарил странников. – Так и будем их перебирать по пути к морю. Но чем дальше отсюда на юг, тем хуже я знаю местность.

– Справимся как-нибудь. Не впервой, – вставший Джон подал руку Лайле. – Я уже даже придумал, как Бамбука утеплить.

– Угу... – вслед за вампиршей, поднялся и Рэксволд. – Сейчас всё тряпье изведёшь на свою свинью безразмерную. Сдался он тебе, – ассасин кивнул на очертания пленников. – Вон, оставь его вместе с этими...

Следопыт хлопнул того по плечу и улыбнулся:

– Не переживай, друг. Когда-нибудь и ты дорастёшь до собственного скакуна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.